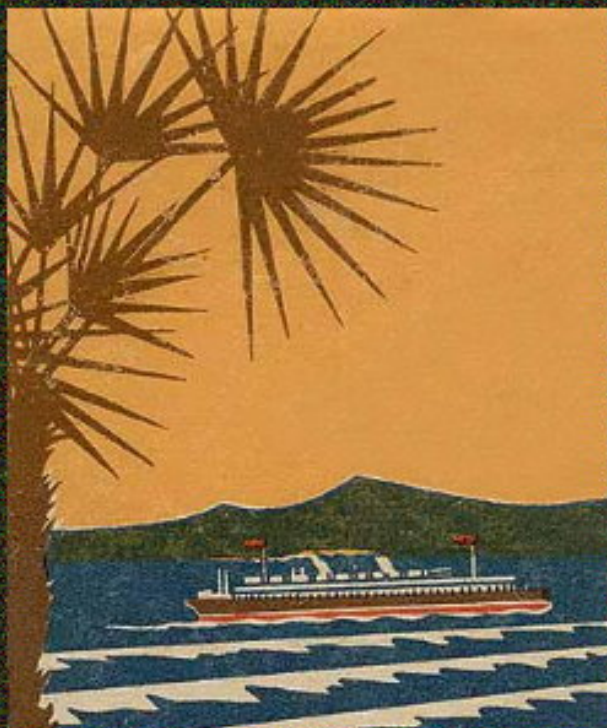

[Polaris]

Иван Наживин

ИСКУШЕНИЕ
В
ПУСТЫНЕ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXVI

Salamandra P.V.V.

**Иван
Наживин**

ИСКУШЕНИЕ В ПУСТЫНЕ

Повесть

Salamandra P.V.V.

Наживин И. Ф.

Искушение в пустыне: Повесть. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. — 80 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CXVI).

Что будет, если сослать всех коммунистов мира на тропический остров? Начнется с бесконечных митингов, исполкомов и комиссий, затем станут искоренять инакомыслящих и внутренних врагов и появятся доблестные чекисты — а потом?

На этот вопрос отвечает фантастическая повесть видного русского беллетриста И. Ф. Наживина (1874-1940). Повесть была создана писателем в эмиграции на рубеже 1920-х годов и переиздается впервые.

Книгоиздательство „Дѣтинецъ“.

Серія С. — № 1.

Ив. Наживинъ:

Во мглѣ грядущаго.

==== Повѣсти. ====

ВЪ НА

1921.

ИСКУШЕНИЕ В ПУСТЫНЕ

I.

ЕДИНСТВЕННОЕ СРЕДСТВО

Дело было в 1931 г.

На огромном, обнесённом высокими стенами дворе одной из лондонских тюрем толпились коммунисты всех возрастов и всех стран. Стража скучливо стояла у ворот.

— Да что за черт!... Зачем же нас собрали? — раздавались нетерпеливые голоса. — Говорят, хотят сделать какое-то важное сообщение... Плевать на все их сообщения! А-а, вот они... Наконец!...

На широкое каменное крыльцо тюрьмы вышел профессор Богданов, известный талантливый социолог и философ, мужчина лет сорока с худощавым, бритым лицом, на котором постоянно играет улыбка, то немножко насмешливая, то удовлетворенная, как у человека, который угадал, не ошибся. Несколько сзади его шел лорд Пэмброк, очень известный миллионер-анархист и выдающийся химик. Ему лет тридцать пять. Он старается быть невозмутимым, но добрая и горячая душа фантазера то и дело прорывается наружу. Сзади них толпилось несколько человек из высшей тюремной администрации.

— Господа, — громко сказал с крыльца начальник тюрьмы, сонный человек с густыми усами. — Позвольте представить вам известного русского ученого, профессора Богданова, председателя международной комиссии по борьбе с большевизмом...

На дворе взорвался разом дикий шум, свистки, крики: «вон!... долой!...»

— Господа, уверяю вас я ничем еще не заслужил такой ... овации... — улыбаясь, сказал по-английски профессор. — Я явился к вам скорее как друг. Предложение, которое я имею сделать вам, очень важно для всех вас...

— Тише, товарищи... Слушайте!... — раздались голоса. — Говорите, профессор...

— Я говорю, господа, от имени международной комиссии по борьбе с коммунизмом... — продолжал профессор. — Разрешите мне прежде всего вкратце резюмировать нашу подготовительную работу и постарайтесь выслушать меня спокойно: я излагаю не вашу точку зрения на дело, но нашу. Отправной пункт наш был таков: зараза коммунизма, этого слепого устремления народных масс за несбыточным, за пестрой, ослепившей их химерой земного рая, охватила все народы. Если в одном месте этот «опыт» позорно проваливался, то это нисколько не останавливало соседний народ, который с таким же горячим рвением начинал опыт снова. Результаты этих опытов, господа, нам слишком хорошо известны: Европа разорена и обессилена на долгие годы. Я полагаю, что эти опыты стоили ей гораздо более, чем все ее войны, взятые вместе. Теперь в массах началась уже благодетельная реакция и большинство европейских держав уже окончательно подавили у себя это движение. Но всюду и везде тюрьмы переполнены коммунистами, которых их разгром не только ни в чем не убедил, но напротив, зажег их пламенной жадой мученичества и героической гибели. И пред миром встал вопрос: что же делать с массой этих фантастов? Гильотина? Мы все слишком устали от крови, пролитой в последние годы во имя новой жизни и высоких идеалов, а во-вторых, было бы просто большой неосторожностью воздевать на ваши раскаленные головы венец мученический... Видите, господа, я откровенен с вами до конца... Содержать эти сотни тысяч большею частью молодых работников по тюрьмам долгие годы невозможно: во-первых, это очень дорого, непосильно разоренным вами народам, а во-вторых, и просто нелепо: вы можете и вы должны работать, как и все, за свой риск и страх. Я имел честь внести на рассмотрение конференции мой проект: избрать в пустынных областях океанов, подальше от материков, в благоприятных условиях какой-нибудь большой остров и депортировать туда всех коммунистов, снабдить их решительно всем необходимым для устройства жизни на новых началах и — предоставить их самим себе, лишив, однако, их возможности покинуть остров

до полного... ну, скажем, выздоровления... Работайте, устраивайтесь, покажите человечеству пример, как надо жить. Мне возражали, что эти опыты были проделаны почти уже во всех культурных странах, — да, но коммунисты утверждают, что тут с ними боролись, тут им мешали. Прекрасно: пусть теперь никто и ничто не мешает вам... Мое предложение было встречено конференцией с очень лестным для меня сочувствием и собранию угодно было поручить мне снестись с Британским Королевским Географическим Обществом с целью выяснить, какой из островов был бы наиболее пригоден для этой цели. Британское Королевское Географическое Общество встретило наш запрос с чрезвычайным вниманием и на последнее собрание наше делегировало своего члена, высокочтимого сэра Эдварда Райта, научные труды которого вам, конечно, хорошо известны. Сэр Эдвард Райт доложил нам, что, обсудив наш запрос с особой тщательностью, Британское Географическое Общество остановило свой выбор на принадлежащем Великобритании острове, который на языке туземцев называется островом Больших Деревьев, а по-английски островом Принца Георга. Это довольно большой остров в умеренно-жаркой полосе Великого Океана, мало известный только потому, что он удален от путей больших пароходных компаний. Почва острова очень плодородна, растительность на нем богатейшая, а климат исключительной мягкости и очень здоров: туземцы не знают никаких заразных болезней и отличаются долголетием. На острове есть весьма значительные залежи каменного угля, которые надолго обеспечивают остров топливом. Благодаря удаленности острова от путей правильного и быстрого сообщения, европейцев пока на нем очень мало и, если они не пожелают остаться с коммунистами, хозяйства их легко скупить, а им предоставить переселиться в другое место. Туземное население очень мирно и не представляет опасности ни с какой стороны. В крайнем случае и его можно было бы депортировать на один из островов ближе к Новой Зеландии, но я полагал бы, что делать этого не следует: раз дело идет о немедленном слиянии всех народов земли в одну братскую

семью, было бы большою несправедливостью лишать цветные народы принять участие в этом опыте... Правда, эти туземцы стоят на очень низкой ступени развития: они не знают письменности, живут первобытной коммуной и едва ли умеют считать до десяти, но тем интереснее, кажется мне, и для вас самих этот опыт. Так вот, господа, цель моей сегодняшней миссии к вам состоит в том, чтобы узнать ваше отношение к предлагаемому проекту, ибо конференция желает избежать тут всякого насилия и вести дело самым гуманным образом...

Снова на широком дворе взорвался страшный шум.

— Bravo!... Великолепно!... Долой!... Гениально... — кричали коммунисты. — К черту дурацкий остров!... Bravo!... Долой!...

— Как я вижу, господа, отношение к нашему проекту далеко не единодушно... — заметил профессор Богданов. — Не откажите в любезности стать: те, которые за переселение, направо, а те, кто против, налево от меня... Вот так... Благодарю вас... Таким образом, за переселение значительное большинство. Ну-с, господа, те, кто против переселения, что вы имеете возразить против нашего предложения?

— А какого черта будем мы делать там? — понеслись сердитые реплики слева. — Волков гонять? Долой остров!... Это какая-то новая ловушка буржуазии, товарищи... Долой!...

— Решительно восстаю против проекта!... — яростно кричал маленький старичок с длинными пушистыми волосами. — Мы хотим работать здесь, в самой толще старого мира, а если этого нельзя, то самым звоном наших цепей мы будем возвещать человечеству зарю новой жизни ...

— Ну, каких же цепей?... — усмехнулся профессор. — Ведь никто из вас их и не видывал... Конечно, господа, я и не думал, что мы сейчас придем к окончательному соглашению. Вы имеете еще достаточно времени, чтобы столкнуться по этому вопросу между собой. Во всяком случае все желающие доедут.

— А мы? — яростно крикнул маленький старичок. — А мы?

—Относительно вас я ничего не могу пока сказать... — отвечал профессор Богданов. — Конференция обсудит положение.

— Острожники!... — взвизгнул старичок, потрясая кулачками. — Палачи!... Звери!...

— Не шумите так... — раздались недовольные голоса среди коммунистов. — Довольно! Надо говорить о деле...

— О, как я счастлива!... — воскликнула Ева, двадцатилетняя красавица-еврейка, в чудных черных глазах которой светилась ее душа, поющая, нежная, для которой прекрасная мечта — жизнь, а жизнь — прекрасная мечта. — Профессор, вы точно светлый ангел, вестник радости... Как хорошо!...

— Да, это открывает новую эру в истории человечества... — решительно сказал Исаак Рейнхардт, очень известный коммунист, высокий, красивый и властный, с черной львиной гривой.

— А сколько приблизительно коммунистов пойдет в переселение, г. профессор? — крикнул кто-то со двора.

— Если процентное отношение между желающими и нежелающими ехать и по другим тюрьмам Европы будет такое, как и здесь, то я полагаю, что поедет более двухсот тысяч... — отвечал профессор.

— О... замечательно!... — раздались радостно-взволнованные голоса. — Сколько работников будущего! Профессор, вы воскресили нас из мертвых. Сегодняшний день будет торжественно отмечен в истории человечества... Долой остров...

— Надеюсь, господа, что вы не будете иметь ничего против того, чтобы я сопровождал вас туда в качестве посредника между вами и конференцией да и остальным миром? — спросил профессор.

— Значит, у них не будет возможности сношаться с внешним миром помимо вас?... — бешено крикнул старичок. — Товарищи, это западня!

— По моему настоянию, вы будете иметь не только правильные, хотя и редкие, почтовые сношения с миром, — отвечал профессор, — но вам будет предоставлена полная сво-

бода оборудовать типографии, печатать и распространять все, что вам угодно, поставить даже радио... Конечно, все только своими руками...

— Bravo!... — послышались голоса и аплодисменты. — Прекрасно!... Bravo!...

— Я еду, во-первых, все же как необходимый представитель конференции... — продолжал профессор.

— Шпион? — зло перебил его кто-то.

— Нет, наблюдатель... — спокойно поправил профессор. — Как социолога и немножко философа меня очень интересует ваш опыт, господа... А кроме того я могу быть полезен вам в сношениях с туземцами: я знаю их язык и вообще знаком с теми краями.

— Просим, просим... — среди аплодисментов кричали справа в то время, как слева заливисто свистели. — Очень рады...

— Ну-с, чтобы на сегодня кончить, господа, я должен сообщить вам, что в культурном обществе в этому начинанию замечается очень большой интерес... — сказал профессор. — Ко мне поступают значительные пожертвования на это дело и от частных лиц. Вот позвольте вам представить знаменитого английского химика и анархиста лорда Джорджа Пэмброка, имя которого вам, конечно, хорошо известно. Он пожертвовал на ваше дело миллион фунтов и сам едет на остров в качестве моего сотрудника...

И снова взволнованная толпа ответила аплодисментами, радостными криками и свистом.

— Позор свистунам!... — раздались в толпе негодующие голоса. — Если мы встречаем сочувствие, то мы... Вы предаете великое дело! Вы должны оставаться среди темного, несчастного человечества, а вы бежите... Это подлость, измена! . . . Мы не словом, мы делом будем проповедовать отсюда... Это вы, теоретики, боитесь дела... Изменники!... Негодяи!...

Брань крепла. Маленький старичок неистовствовал впереди всех. И вдруг — вспыхнула рукопашная. Ева от стыда закрыла лицо руками...

— Э, так не годится!... — сказал спокойно начальник тюрьмы, для которого это новинкой не было. — Караул, прекратить!...

Солдаты и смотрители вмешиваются в толпу и искусно, хотя и не без труда, разделяют ее.

— Профессор, ради Бога... — тихо, но горячо говорил под шум свалки Арман, молодой, пылкий, прямой и всегда веселый француз-коммунист. — Я ваш слушатель по *Institut des Hautes Etudes**. Ради Бога, не настаивайте, чтобы ехали те, кто не хочет... В большинстве случаев это темные личности, часто просто уголовные, которые и здесь губили наше дело...

— Мы не будем ни во что вмешиваться... — отвечал профессор. — Ваша судьба вся в ваших руках. Устраивайте все, как считаете лучшим...

На дворе шум продолжался. Два дюжих смотрителя тащили куда-то яростного старичка. Он барахтался, визжал и брызгал слюной. Несколько человек бросились отбивать его. Профессор Богданов спокойно стоял на крыльце и на лице его играла обычная его улыбка. Лорд Джордж Пэмброк, который до этого молча и ласково поблескивал на толпу своими золотыми очками, теперь, видимо, немножко, растерялся...

* Институт высших исследований (*фр.*). — *Здесь и далее прим. ред.*

II.

ОСТРОВ БЕЗ НАЗВАНИЯ

Тихая южная ночь. Яркие звезды. Океан... На палубе большого парохода пестрая толпа коммунистов-эмигрантов. Некоторые спят. Вдали причудливыми созвездиями светятся огни других пароходов, идущих в кильватерной колонне. С правого борта густо дымит к звездам конвоирующий миноносец...

— Но каково путешествие!.. — тихо сказала Маслова, кругленькая старушка с коротко остриженными волосами. — Какой покой на море!..

— И какое совпадение... — с ужасающим акцентом заметил Гольдштерн, самоуверенный, мелко-практичный и чрезвычайно кудрявый. — Мы прибываем как раз первого Мая. Капитан говорит, что уже на заре остров будет виден, а в полдень мы бросим якорь.

— Многие от волнения не могут спать... — сказала Джулия Венти, красивая и ленивая итальянка. — И какое торжество в небе!.. И, вероятно, скоро уже рассвет...

— Вы говорите таким тоном, товарищ Джулия, точно собираетесь продекламировать нам что-то пышное... — засмеялся веселый Арман. — Знаете, в нашем движении есть одно важное упущение: у нас есть «Интернационал», гимн коммунистов, но у нас нет пляски коммунистов, между тем как от полноты сердца не только глаголют уста, но иногда пляшут и ноги. Представьте себе, например: океан, ночь, звезды, а на палубе эдакая генеральная коммунистическая кадрили... Замечательно!.. Вот я отличался бы...

— Да вы и так отличаетесь... — усмехнулась Надьо, худенькая венгерка с огромными черными глазами, прикрывая старым пледом своих двух спящих детей, случайно прижитых в мимолетных романах.

— О, если бы этот рассвет был для нас действительно и рассветом новой жизни!.. — задумчиво сказал Макс, комму-

нист-мистик, очень видный писатель, бледный, весь исполненный какого-то исключительного обаяния, человек лет тридцати, родом из старо-дворянской баварской семьи. — Мало переменить место — надо переменить душу!..

— А вы думаете, что это возможно, мэтр? — осторожно спросил профессор Богданов.

— Почему же нет? — отвечал Макс. — Древние мистики прекрасно понимали это. Помните, в Евангелии говорится, что человеку надо родиться снова? Вот об этом говорю и я. В новые мехи надо вливать и вино новое — вино энтузиазма, вино веры, то тонкое, солнечное вино любви, которым незримо пропитана вся жизнь вселенной ...

— Это вино пьют в мире только немногие... — сказал профессор. — Немногие — не то избранные, не то просто сумасшедшие, право, не знаю... Все же остальное, от амебы до самого возвышенного профессора, подчиняется железному закону борьбы; борьба же эта — довольно грязенькая — порождает, конечно, не любовь, но соперничество, злобу, ненависть...

— Это одно из самых пагубных заблуждений в мире!.. — воскликнул Макс. — Оно вытекло из высохшего сердца ученого, который заперся среди своих реторт и книг в тесной, душной комнате, вдали от гор, лесов, потоков и звезд... Если вы внимательно взгляните в историю души человечества, вы увидите грандиозный, светлый процесс, который я назвал бы эксфолиацией, разворачиванием почки: одни за другими спадают в течение веков тяжкие покровы тьмы с души человека, этой таинственной куколочки, и вот, наконец, освобожденная от этих оболочек невежества, всяких слабостей, эгоцентризма, она разворачивается под вечным солнцем вселенской любви цветком красоты несказанной...

— Как это прекрасно!.. — восторженно прошептала Ева.

— И вы считаете, мэтр, что этот процесс эксфолиации находится в зависимости от воли человека? — спросил профессор.

— В значительной степени... — отвечал Макс.

— Но вот я и вместе со мной миллиарды людей никогда об этом процессе ничего и не слыхали, — как же можем мы

желать принять участие в том, о существовании чего мы и не подозреваем?

— Иногда и бессознательно... — отвечал Макс. — А иногда люди называют этот процесс и другим именем, как, например, этот ваш грубый научный термин эволюции. А миллиарды людей принимают участие в процессе этом бессознательно. Вы, как материалист, легко подпадаете мировой иллюзии отдельности личности. То, что вы — вы, а я — я, это только обман Майи. Я — Единый, Присносущий, Вездесущий и, если я чувствую, как спадают с души моей око-вы и я поднимаюсь из тьмы в лазурные царства любви, это значит просветление, освобождение и воскресение всей вселенной...

— Я читала ваши книги, Макс, но никогда с такой силой не чувствовала я их правды, как теперь... — восторженно воскликнула Ева. — У меня, когда я слушаю вас, вырастают крылья, огромные, белые крылья и безмерная светлая радость заливает всю мою душу.

— И до чего осточертела эта дорога!.. — сонно сказал кто-то в темноте и громко, протяжно зевнул. — Скуйэ, нет ли у тебя покурить?

— Пойди к чертям... — сонно отозвался другой голос. — У меня самого последки...

— Простите, мэтр, что я настаиваю... — сказал профессор. — Но эта точка зрения всегда была несколько чужда мне и мне хотелось бы уяснить ее себе в беседе с таким блестящим представителем этого течения, каким бесспорно являетесь вы...

— Я всегда рад беседовать на эту тему ... — сказал Макс. — Я выучился санскритскому языку и одному из наречий современной Индии, только чтобы беседовать об этом с гур-ру Индии и Цейлона...

— Какой же путь для этого воскресения человека или, как вы выражаетесь, даже воскресения всей вселенной чрез человека?

— Видите ли, довольно трудно говорить об этом с материалистом, с человеком без известной...

— Простите, мэтр, но вы решительно ошибаетесь, называя меня материалистом... — возразил профессор. — Я не причисляю себя решительно ни к какой школе. Я не уверенный в себе доктринер, а только бедный, все изучающий скептик, который, боюсь, никогда ни на чем не остановится...

— Но в ходе вашей мысли мне всегда чувствуется материалистический уклон века ...

— Уверяю вас, мэтр, вы ошибаетесь...

— О, тем лучше!... — воскликнул с улыбкой Макс. — Видите ли, путь освобождения себя от уз земли одновременно и очень прост и очень сложен. Первый шаг это обретение великого покоя. В океанах, которыми мы теперь проходим, часто вздымаются страшные циклоны, но опытные моряки теперь не боятся их, ибо они знают, что, если на окружности циклона скорость ветра достигает, скажем, ста миль в час, то в центре его — полный покой. И как только поднимается циклон, они уверенно ведут свой корабль в центр его, в это царство полного покоя. Так и человек в окружающих его бурях мира, где его ждет гибель души на каждом шагу, должен покинуть опасную периферию жизни и мужественно идти к центру всего, в себя, где царит великий покой. И, когда отрясет он так прах мира с ног своих, когда оставит он позади себя кровавые битвы страстей человеческих и удалится в светлые твердыни своей души, то с лучезарного престола, на котором в немеркнущем блеске восседает его вечное Я, он увидит мир преобразенным: для него рушатся злые перегородки времени, пространства, причинности, тают в ослепительном свете контрасты между прекрасным и безобразным, грешным и святым, правым и виноватым и все сливается в одну вечную прекрасную поэму космического бытия в Боге... И только тогда может человек творить истинно прекрасную жизнь, ибо, если замерзает озеро, взбаламученное бурями, то ничего, кроме грязных, безобразных кусков льда, не получается, но если замерзает озеро тихое, то поверхность его расцветает миллионами прекраснейших белоснежных звезд... О, друзья мои!... — вдохновенно воскликнул он, обращаясь к столпив-

шимся вкруг него слушателям, которых все более и более зажигало его пламя. — О, друзья мои, вы не можете себе и представить того блаженства, которое ожидает вас на этом пути!... Вот смотрите на эту звездную бесконечность, раскинувшуюся над нами в вечной красоте своей. Неужели вашей умиротворенной в эти тихие предзвездные часы души не чувствуете вы, как с сверкающих воздушных кораблей этих льется на вас золотым, серебряным, алмазным дождем мировая любовь? Иногда, как сейчас вот, в этот светлый, молитвенный момент, эти блистающие светила представляются мне такими же вот кораблями, как и наш, быстро бегущими в какую-то таинственную и прекрасную Землю Обетованную... И я на расстоянии этих миллионов миль, разделяющих нас, — а, может быть, точнее сказать соединяющих нас, так как что для Бога эти головокружительные для нас бездны?... — я слышу на каждом из этих светил-кораблей мириады живых разумных существ, которые несомненно чувствуют мою любовь к ним и чрез бездны, затканые этими алмазными лучами, призывно простирают к нам милые, теплые, зовущие руки... Пред нами скоро — ибо вот уже светает, — встанет наша Земля Обетованная, но в этот торжественный час, пред лицом Бога и вечности, спросим себя искренне, от всего сердца: готовы ли мы свято и непорочно переступить порог ее, чтобы начать действительно новую, светлую жизнь? Я боюсь, что не все, не все готовы к ней... Но, друзья мои, если это так, то не новая жизнь ждет нас там, но старые страдания в тысячелетних окровавленных цепях...

— Нет, нет, мы готовы!.. — раздались со всех сторон голоса. — Мы умрем, но докажем нашу правду!.. Мы спасем мир...

— Нужна прекрасная жертва... — вся вибрируя, сказала громко Ева. — Вот этот золотой перстень — подарок умиравшего отца, прекраснейшего из людей, которого я боготворила. Я отрываюсь от всего прошлого, я поднимаюсь из тьмы, я рву дорогие цепи личных привязанностей, — я приношу этот перстень в жертву светлomu Богу светлой вселенной...

И она бросила перстень в темный океан...

— Вот тут мои сбережения за всю жизнь... — растроганно сказала Маслова. — Я захватила их с собой на всякий случай. Кто знает, — думала я, — может быть, нас постигнет неудача. Но теперь я верю и хочу доказать свою веру... — воскликнула она и бросила несколько золотых монет в темные волны. — Вот!..

Всех охватило чрезвычайное воодушевление.

— И мы, и мы верим!.. — раздались со всех сторон голоса. — Мы верим в человека, верим в жизнь, верим в наш высокий идеал... Освобождайтесь, товарищи!.. Освобождайтесь, братья!..

И чрез борт полетели всякие украшения, золото, серебро. Иногда монета, зацепившись за ванты, отскакивала назад и катилась по слабо освещенной палубе.

— Какая чепуха эта истерика!.. — морщась точно от боли, говорил Гольдштерн. — Вот не люблю всегда!.. Для чего же бросать?.. Ведь, не на луне же будем мы жить... Ведь придется же покупать разное...

И, нагнувшись, он отыскивал монеты и клал их в карман, приговаривая:

— Вот глупость!.. Вот безобразие!..

— Мы завалим весь мир своими товарами... — кричали со всех сторон. — На что же нам золото? За борт всю эту грязь...

Быстро светало...

— Земля!.. — раздался вдруг с марса радостный голос.

Все бросились к бортам. кто встал на вещи, кто влез на ванты и все жадно смотрели вперед. Вдали, на фоне зари, чуть видный, встал и океана гористый остров, прекрасный, как утренняя греза. На одном из головных кораблей, чуть слышный в отдалении, вспыхнул торжественно «Интернационал», и тысячи и тысячи людей на других кораблях подхватили его. Некоторые плакали от восторга, другие обнимались, третьи простирали вперед руки. Ева восторженно сжимала руки Макса, с упоением глядя ему в глаза...

С правого борта густо дымил миноносец...

— Но как же, господа... — начал было взволнованный лорд Пзмброк, но со всех сторон его перебили:

— Здесь нет господ!.. Здесь все товарищи... друзья... братья...

— Виноват. Прекрасно... — сказал он. — Но я хотел только спросить: как же назовем мы наш остров У

— Остров Серпа и Молота... — твердо сказал Гаврилов, русский большевик, массивный тупой человек с дьявольскими скулами и кулаками.

— Нет. Остров Прекрасной Жертвы!.. — сказала Ева.

— Остров Преображения Человека... — отозвался Макс.

— Или Земля Обетованная ... — предложила Маслова.

— Возвращенный Рай... — крикнул Арман.

— Остров Льва Толстого... — сказал Рукин, пожилой, бледный, бедно одетый толстовец в очках, с большой бородой, тихий, но невероятно упрямый человек.

— Эх их красноречие замучило... — грубо засмеялся Гаврилов. — Просто: Серпа и Молота. Или, может, еще лучше Остров Ленина — ведь он положил начало всему. Да дай же покурить, Скуйэ... Какого черта! .. — обратился он к высокому латышу с глубоким шрамом чрез бровь и вытекшим глазом и, громко зевнув, досадливо прибавил: — Всю ночь языки чесали...

— Почему Серпа и Молота?.. — лениво возразила Джулия Венти. — Разве только для труда прибыли мы сюда? Предлагаю: Остров Наслаждений...

— Весь Господня... Остров Золотого Руна ... — кричали со всех сторон. — Остров Живой Воды... Новая Атлантида... Рога Изобилия... Ах, оставьте эти засаленные названия из старых географий... Я предлагаю: Остров Солнца...

— А знаете что, господа... виноват, товарищи... — сказал профессор Богданов. — Чем спорить, давайте лучше представим самой жизни назвать наш остров.

— Прекрасно... Великолепно... — раздался голоса. — А пока пусть будет Остров без названия...

Гаврилов снова громко, скупчиво зевнул...

— Солнце!... — радостно крикнул свежий девичий голос.

Вдали, из-за красивой горы ярко сверкнул первый луч солнца. В одно мгновение все корабли оделись массою красных флагов. Ярко вспыхнуло где-то «ура» и снова торжественно загремел по океану тысячеголосый «Интернационал», и снова, полные восторга, люди плакали, обнимались, говорили пылкие слова, — только один профессор Богданов был спокоен и на лице его играла его обычная улыбка...

III.

ПОЛЯНА ВЕЛИКОЙ БЕСЕДЫ

Широкая зеленая поляна на берегу океана. Вокруг величественные столетние деревья, из-за которых смотрит красивая зубчатая пирамида горы Великого Духа. В океане, на рейде, дремлет сторожевой крейсер... Посередине поляны задрапированная красной материей трибуна, вокруг которой шумит большое собрание коммунистов. Тут же толпятся и рослые, совершенно голые туземцы и на все улыбаются добродушно...

— Вот уже десять дней прошло у нас, товарищи, в беспрерывных собраниях, которые истощают наши силы и без конца оттягивают начало творческого труда ... — громко говорил с трибуны Рейнхардт. — Время уходит, а мы не только не вышли из наших споров, но наоборот, положение как будто все более и более запутывается... Сегодня по всему острову снова назначены собрания, которые непременно должны вынести совершенно определенные решения: ведь даже выгруженные с пароходов товары из-за этих споров мы не убрали как следует, и вчерашний ливень испортил все наши запасы сахара ..

— Ну, не одного сахара!... — насмешливо крикнул кто-то.

— Разрешите мне вкратце обрисовать общее положение... — продолжал оратор.

— Ах, только покороче!... — раздались нетерпеливые голоса. — Просим!... До чего надоела вся эта болтовня, и сказать невозможно... К делу, к делу!...

— И разрешите, товарищи, говорить всю правду... — сказал Рейнхардт. — Мы не должны прятать голову от опасности, как страусы...

— К делу, к делу!... — нетерпеливо кричали со всех сторон. — Какие там еще страусы?... Никаких страусов...

Послышался смех.

— Товарищи, еще во время пути оказалось, — продолжал Рейнхардт, — что, несмотря на все наши предосторожности пред отъездом, в нашу среду все же забрались те «коммунисты», которые составляли бич нашего движения и в старом мире, т. е. те, которые думают и здесь найти ту мутную воду, в которой им можно будет пожить совсем не по-коммунистически. Мы должны немедленно решить, что нам делать с этим элементом. Я думаю, что мы не должны останавливаться даже перед самыми крайними мерами, только бы сразу очистить наш остров от этих растлителей великой идеи. Это первый вопрос, по которому мы сегодня же должны вынести совершенно определенное решение. Второй вопрос, не менее важный, этот тот идейный раскол, который успел уже выявиться в нашей среде с такой неумолимой резкостью и который — я боюсь сказать ... — делает почти невозможной никакую общую работу... Во всяком случае факт налицо: прошло уже две недели, а работа и не начата...

— Вы повторяетесь ... — раздался нетерпеливый

— Вот вам несколько примеров нашего идейного разброда... — продолжал оратор, сердясь, что его все перебивают. — Русские сектанты-коммунисты хотят прежде всего строить дом для молитвенных собраний, а атеисты смеются и не желают им помогать, но зато, когда все мы бросились спасать сахар, толстовцы и другие сектанты не желали прервать своей религиозной воскресной беседы, потому что спасение души важнее спасения сахара...

На поляне послышался смех.

— Не понимаю, чему тут смеяться... — сказал Рукин, толстовец с бородой. — Этот смех говорит только о том, что большинство из вас — слепые, несчастные люди, только и всего...

— Не перебивайте, товарищ!.. — сердито оборвал Рейнхардт. — Одни хотят строить здесь роскошные дворцы, насадить пышные сады, заставить машины делать весь тяжелый труд, а другие говорят, что все спасение человека именно в труде, третьи настаивают, что лучше всего довольствоваться куском хлеба, а в свободные часы слушать рокот

морских волн, собирать цветы или беседовать о Боге. Одни хотят жить фаланстерой, другие из всех сил отстаивают свои отдельные гнезда, группа ярых пропагандистов желает прежде всего строить гигантский, небывалой мощи радио, а вегетарианцы не хотят пасти скот, потому что грех его резать, — буквально голова идет кругом от этой разногласицы, которая подымается среди нас при решении всякого жизненного вопроса!

— Вы ужасно тянете... — сказал Арман. — Я предлагаю простейший выход из положения: пусть все эти группы обособятся и живут каждая своей отдельной жизнью... Остров достаточно богат и велик и места хватит всем.

— Позвольте... — воскликнул Рейнхардт. — Но тогда надо похерить наш коммунизм! Вы проповедуете ярый индивидуализм, анархизм, все, что угодно, но не коммунизм. Все хотят с первых же шагов разбежаться — хороша коммуна! А как же будем мы делать те дела, которые нужны всему острову?

— Например? — спросил Десмонтэ, бельгиец, тупой, ограниченный, но хитрый.

— Например, для поселения всего удобнее та, северная часть острова, — отвечал Рейнхардт, — а бухта, годная для погрузки и выгрузки судов находится на этом южном берегу, — следовательно, нужно связать весь остров дорогами. Вспомните: американское правительство прежде, чем заселять свои прерии, проводить там хорошие дороги. Так согласны ли все стать прежде всего на постройку дорог?

— Я и мои единомышленники не считаем эту работу не только безотлагательной, но и нужной вообще... — сказал Рукин, поглаживая свою бороду. — Какие дороги? На что? Живут же туземцы без дорог. А потом, какая разница жить там или здесь, у бухты? Важно жить честной, хорошей жизнью, а где — это совершенно безразлично...

— Ну, это я там не знаю... — сердито возразила Надьо, сверкая своими черными глазами. — А только, по моему, прежде чем думать о дорогах, надо подумать о крыше над головой... Я живу теперь с детьми в палатке — куда же денемся мы, когда наступят дожди? Надо строить дома.

— Да ведь не по воздуху же будут летать к вам на постройку бревна и камни!.. — раздраженно заметил Рейнхардт. — Для того, чтобы их подвезти, нужны дороги...

— Вот и прекрасно!.. — сухо рассмеялась Надьо, которая терпеть не могла в глубине души этого «нахального жида». — Придет зима, у нас будут дороги, но негде будет спрятать детей от дождя. Умно придумано...

Гаврилов все порывался на трибуну, но Скуйэ и другие, смеясь, удерживали его.

— Мы с удовольствием отделимся и образуем свою отдельную религиозную общину... — сказал Рукин. — Но принимать участие в ненужных, а часто и вредных для души работах мы не будем, потому что, если вступить на этот путь компромисса, то конца на нем не найти. Сегодня вам понадобилась дорога, а завтра телефон, потом трамвай, потом опера, аэропланы, кафе, и вот мы снова в водовороте мирских дел, снова у нас нет ни одной свободной минуты ни для ближнего, ни для Бога. Это все пустое. Брат Макс прекрасно говорил: с бурной поверхности жизни внешней надо направлять свой корабль в тихие воды внутренней гавани Великого Покоя...

— Да... — сказал Макс. — Но не заваливая своей души излишними заботами, не волнуясь, не озлобляясь, не изнуря себя сверх меры в труде, я думаю, что все же надо принять меры, чтобы наша материальная жизнь протекала наиболее легко. Против дорог я ничего не имею. Они не мешают, но помогают общению людей...

— Конечно, не мешают, но они просто не нужны... — упрямо сказал Рукин. — Живут же здесь в лесах и обезьяны, и животные, и туземцы без дорог.

— Товарищи, у нас пропадает для созидательной работы еще один день!.. — в отчаянии крикнул Рейнхардт.

— Во-первых, ваша созидательная работа совсем уж не так важна, как вы зачем-то стараетесь ее представить... — сказал Рукин. — Искание истины дороже всякой работы... А во-вторых...

— Искатели!... — презрительно захохотал Десмонтэ. — А сахар наш тем временем весь подмок и пропал...

— Можно жить и без сахара... — спокойно возразил Рукин. — Это не важно. А во вторых, мы же нашли выход и давайте и остановимся на нем: пусть единомыслящие разбиваются на соответствующие группы и пусть каждая группа устраивает свою жизнь по-своему.

— Но дорог строить вы не будете? — бешено крикнул Десмонтэ.

— Нет, не будем... — невозмутимо возразил Рукин.

— А пользоваться ими будете?

— Будет дорога — пойдем дорогой, не будет дороги, и лесом пройдем... — сказал Рукин. — Это совершенно не важно.

— Да для тех-то, кто ее строить будет, важно, черт вас совсем возьми!... — заорал Десмонтэ. — Слушать птичек всякому приятно.

— Так и слушайте... — отвечал Рукин. — Кто же вам мешает?...

Гаврилов с искаженным бешенством лицом все рвется из рук товарищей на трибуну.

— Но это прямо какое-то издевательство, товарищи!... — крикнул Рейнхардт. — Это какой-то новый вид саботажа ... Мы опять увязли в сетях слов, товарищи, — давайте же переходить к делу! Несколько товарищей образовали инициативную группу, которая внесет сегодня на всех собраниях следующее предложение: во-первых, простым большинством голосов избрать сегодня же исполнительный комитет, который и будет пользоваться всей полнотой власти на острове, чтобы пустить, наконец, работу, а во-вторых, для того, чтобы бороться с нежелательным элементом, примазавшимся к нашему великому делу, чтобы ввести в рамки элементы анархические, образовать чрезвычайную комиссию по борьбе со всеми этими разлагающими явлениями...

— Прекрасно... Значит, опять за жандармов?... — раздались иронические голоса. — А там в тюрьмы, и казни?...

— Так что же! — пожал плечами Рейнхардт.

— Пусть и казни. Без крови на земле ничего не делается...

— Так зачем же мы тогда уехали из Европы? — сказал

Рукин. — Это все и там было...

— В Европе казнили, защищая несправедливое устройство общества, — отвечал Рейнхардт, — а мы будем казнить, защищая устройство справедливое.

— Какая же это справедливость! — невозмутимо возразил Рукин. — Я не хочу строить для вас оперетки, а вы меня будете за это казнить.

— Довольно крови!... — крикнула Надьо и с отчаянием добавила: — И вот мы все разговариваем и разговариваем, а дети брошены без призора и растут, как звереныши...

— Казни плохое начало... — сказал Макс. — И кто будет палачом?

— Можно бросить жребий... — сказал Рейнхардт.

— Никакой жребий не заставит меня сделать то, чего я не хочу... — сказал Макс.

— Разумеется!... — воскликнула Ева.

— Охотники найдутся, только заплати... — грубо крикнул кто-то.

— И до чего надоела эта болтовня!... — громко зевнул Гаврилов.

— Кто это сказал об охотниках казнить за плату, товарищи?... — строго сказал Рейнхардт.

— Кто это? — переглядывались все недоверчиво. — Какая гадость! Что же сказавший прячется?... Позор...

— Я должен напомнить вам о той ошибке, товарищи, которая так повредила нам в Европе... — сказал Арман. — Не будем снова повторять ее, не будем впадать в ту страшную канцелярщину, которую завели мы там, когда власть была в наших руках. В каждой улице у нас было по 30 комиссий, а при них 459 подкомиссий, и в конце концов счастливый гражданин социалистической республики без Бедкера не знал, куда ему и ступить...

— Разрешите и мне, товарищи, сделать одно заявление по просьбе русских крестьян-коммунистов... — сказала Маслова. — Если мы окончательно решим разделиться, то и эти коммуны единомышленников придется разбить на национальные группы: огромное большинство из нас ораторов на собраниях не понимает, так что все эти дебаты, в сущ-

ности, ведутся небольшим кружком образованных людей, а для остальных являются самой непроизводительной тратой времени. С годами, когда нами будут налажены школы единого языка, — эсперанто, например, — мы выйдем из этого затруднения, а пока, чтобы организация разумной жизни шла, действительно, сознательно, нам необходимо разбиться по национальностям...

— Правильно!... Конечно... — раздались голоса. — Что же слушать, ничего не понимая...

Профессор Богданов, ласково разговаривавший с окружающими его туземцами, сказал:

— Вот и мои чернокожие друзья тоже очень остро чувствуют это. В качестве представителей тоже человечества они добродушно ходят на все наши собрания, но не понимают ничего. Это большое упущение в деле, тем более, что вы только налаживаете коммуны, а они живут коммунистической жизнью — правда, в большой нищете, — с сотворения мира...

— Разбиться по национальностям необходимо... — говорили коммунисты. — Это решено...

— Но как же можем мы избрать исполнительный комитет и чрезвычайную комиссию сегодня же, когда мы к этому не подготовились? — развел руками Гольдштерн. — Кого же выбирать? Надо отложить выборы хотя на три дня, чтобы проделать хотя небольшую избирательную кампанию...

— Вы делайте, братья, как найдете для себя лучшим, — сказал Рукин. — А мои друзья уполномочили меня заявить вам, что ни в каких выборах мы участвовать не будем, никакому исполнительному комитету, если он прикажет нам что-нибудь несогласное с нашим разумом или совестью, повиноваться мы не будем, а теперь вот уходим с собрания, ибо наступил час нашей духовной беседы, а потом молитвы, а после мы пойдем к бухте строить себе дом молитвы и жилища...

— Да вы не имеете права делать этого!... — воскликнул Рейнхардт. — Там место нужно для устройства портовых сооружений, пакгаузов и проч.

— Вы сказали, что для поселения вам удобнее та, северная часть побережья, мы охотно уступаем вам и берем себе худшую часть, южную... — сказал Рукин. — А теперь вы не пускаете нас и сюда, потому что и это место нужно вам для постройки ненужных пакгаузов. Так куда же нам деваться?

— Вот это и решит жилищная комиссия при исполнительном комитете... — воскликнул Рейнхардт.

— А я уже заявил вам, что никакого исполнительного комитета нам не нужно... — отвечал Рукин. — Голоса Бога, говорящего нам в душе нашей, с нас вполне достаточно...

— И почему это, товарищ Рейнхардт, вы приняли этот тон командира? — вставил Гольдштерн. — Это оскорбляет наше человеческое достоинство.

— Да, да... — поддержали его из толпы. — Вот заберутся эдакие командиры по разным исполнительным комитетам да чрезвычайкам и будут опять всеми вертеть...

Собрание невнятно и возбужденно загалдело. Гаврилов яростно подлетел к трибуне, отстранил Рейнхардта и закричал:

— Товарищи, тут явный саботаж каких-то тайных врагов коммуны!... Кто знает, может быть, среди нас много агентов буржуазии, подсланных, чтобы взорвать нас изнутри? Довольно слов!... Сейчас же мы должны избрать исполнительный комитет и чрезвычайную комиссию и послать туда людей энергичных, которые железной рукой взяли бы за горло гидру буржуазии...

Небольшая группа его приятелей со Скуйэ во главе бурно выражает ему свое одобрение. Рейнхардт втайне был немного озадачен: это были как раз те люди, от которых и хотелось ему очистить остров прежде всего.

— А вы знаете, как называли черные эту поляну? — с улыбкой спросил профессор лорда Пэмброка, который, поблескивая очками, с большим вниманием слушал коммунистов.

— Well?... — сказал тот.

— Поляной Великой Беседы...

— O, very nice indeed! *... — усмехнулся лорд.

* О, в самом деле очень мило (англ.).

— И для всего острова это прекрасное название. Но откровенно говоря, меня начинает эта великая беседа смущать немного: что-то очень уж нелепо... А?

— Это только начало еще... — заметил профессор и вдруг воскликнул: — Это еще что такое?

Из леса вышла большая толпа коммунистов. Все они о чем то громко и возбужденно разговаривали.

— Это что такое? — спрашивали все вокруг. — С какими новостями, товарищи?

— Мы пришли сообщить вам, товарищи, — громко начал высокий и худой швед с точно стеклянными глазами, — что, согласно почину инициативной группы, мы произвели выборы в исполнительный комитет и в чрезвычайную комиссию. Результаты...

— Какие выборы? — раздались со всех сторон голоса. — Что за скоропалительность?.. Надо хоть два дня на подготовку...

— Довольно болтовни!.. — бешено крикнул с трибуны Гаврилов. — Выборы!..

— А мы уходим... — заявил Рукин и большая толпа сектантов, беседа между собой, пошла к берегу бухты.

— Не уйдете и вы!.. — крикнул им вдогонку Егоров. — Догоним!..

— Нет, это решительно невозможно... — говорили вокруг. — Где же порядок? Прямо голова распухла...

Общий бестолковый галдеж. Профессор с улыбкой объясняет что-то туземцам. На трибуне что-то кричит, бешено жестикулируя, и стучит по пюпитру кулаком Гаврилов...

IV.

ПРОПАВШЕЕ ПИСЬМО

Профессор Богданов сидел в своей скромной комнатке за рабочим столом, заваленным всякими бумагами и книгами. Над столом висел большой портрет молодой красивой женщины, а перед ним, как тихая жертва, — большой букет живых цветов. В широко открытую на террасу дверь виднелась дорога и бухта с дремлющим крейсером. Рядом в кресле сидел лорд Пэмброк.

— Чем же кончилось ваше столкновение с Рейнхардтом? — спросил профессор.

— О, я успокоил его очень быстро!... — сердито отвечал лорд. — Я сказал, что подчиняться распоряжениям его исполнительного комитета я не желаю: я здесь второй представитель международной комиссии и своей лаборатории для его бестолковых общественных работ я не брошу, а если он позволит себе хоть малейшее насилие, пушки «Норфолька» очень быстро сотрут его с лица земли вместе с его чрезвычайкой...

— Ого, как вы поговариваете!... — усмехнулся профессор.

— Но он нестерпимо надоел мне, этот зарвавшийся еврей!... — раздраженно воскликнул лорд.

— Это очень нехорошо, друг мой... — повторил профессор и, смеясь, прибавил: — Вы начинаете сердиться, а это помешает объективности ваших наблюдений...

— Я лучшие годы свои отдал проповеди коммунистического анархизма, — задумчиво сказал Пэмброк, глядя в землю. — Но для коммунизма нужен прежде всего человек в прекраснейшем смысле этого слова — в этом Макс совершенно прав. А эти... бешеные орангутанги прежде всего и разрушают всякую веру в человека... И больше всего этот нахал-еврей... Вы посмотрите, что он только делает!...

— Очень смотрю... — отвечал профессор. — И, по моему мнению, опыт становится все более и более интересным...

Вы помните, как первые дни он кричал против квази-коммунистов, которые примазались к ним? А теперь он провел в чрезвычайку как раз этих уголовных господ, и они действуют...

— Не понимаю, на что ему понадобились эти прохвосты!... — сказал лорд.

— Они не имеют никаких моральных «предрассудков», они очень активны, они не желают работать и для сохранения своего положения господ, привилегированных, они пойдут на все... — отвечал профессор. — Теперь все чистое и действительно благородное притихло. И определенная опасность прежде всего грозит этому мечтателю Макс.

— Но это безобиднейший и благороднейший человек!... — воскликнул Пэмброк.

— Вот поэтому-то он более других и неудобен... — сказал профессор. — А потом его полюбила красавица Ева, а Рейнхардт сам в нее свирепо влюблен. И вы увидите: не брезгуя никакими средствами, он удалит своего соперника. Повод к этому уже есть и прекрасный: Макс вместе с Арманом мужественно организует оппозицию из всего, что есть на острове честного и энергичного. И, сломит себе шею: их немного, негодяев больше, а всего больше — стада...

— Я этого не допущу... — твердо заявил англичанин. — Я вмешаюсь...

— Боже мой, да когда же вы, наконец, поймете, что этим вы только мешаете исцелению этих тысяч душевнобольных!... — воскликнул профессор. — Жертв были миллионы и их будет много, много еще, без этого им не выздороветь. Не все так скоро прозревают, как, видимо, начинаете прозревать вы... — сказал он, нажимая кнопку звонка. — Человечество, эта особенно неудавшаяся порода обезьян, в отличие от других пород, подвержена особому виду душевной болезни... Вот что, Петр, — прервал он себя, обращаясь к вошедшему на звонок слуге, пожилому русскому солдату с выражением какой-то затаенной скорби в глазах. — Будь добр, дай нам, пожалуйста, бутылочку мадеры и каких-нибудь там бисквитов, что ли...

— Слушаю ... — сказал тихо Петр и вышел.

— Послушайте... извините, что я вас перебиваю... — сказал Пэмброк. — Как это вы ухитрились добыть себе прислугу в царстве равных?

Профессор засмеялся.

— Я не ссорюсь с Рейнхардтом, вот и все... — сказал он. — Он назначил ко мне Петра отбывать трудовую повинность в качестве... моего ассистента в работах по социологии...

— Но сам Петр? Какой же он коммунист, когда он пошел в лакеи хотя бы и к социологии?

— Он всеми силами души ненавидит коммунистов и сам попросился ко мне... — отвечал профессор. — Он очень мягкий и приятный человек, но что-то ужасно грызет его: целые ночи напролет он вздыхает, ворочается, молится...

— Ничего не понимаю... — сказал Пэмброк. — Если он не коммунист, как же он попал сюда и зачем?

— Я и сам ничего не понимаю... — отвечал профессор и замолчал: вошел Петр с подносом, на котором было вино и бисквиты, и довольно неуклюже поставил его на стол. — Спасибо, голубчик... — поблагодарил его профессор.

— А вы вышли бы, барин... — сказал Петр. — Уж очень чудно, что у нас делается...

— Что такое?

— Да собрались сегодня на метинх все наши русские... ну, секстаны, что ли... — сказал Петр. — И давай все кричать против роскошества, которое здесь заводит ну, ентот... жидто... А потом разделись все донага и ходят теперь по всему острову нагишом, поют свои псалмы эти и разбрасывают черным последнее имущество... «Вы хотите служить маммоне, — кричат, — а нам ничего не надо, и последнее все берите...» Прямо очумел народ совсем!...

— Интересно... — сказал профессор. — Потом сходим, посмотрим...

Петр вышел, а профессор налил в стаканчики вина и удобнее уселся в кресле.

— Видите ли, основная ошибка всех вас, смелых реформаторов, в том, — сказал он, смакуя прекрасную мадеру, — что вы создали себе превратное, чисто книжное представ-

ление о человеке. Вы считаете человека вообще каким-то недоразвившимся, благодаря несчастному стечению обстоятельств, профессором, который только и думает, что об умных книгах, справедливости, University Extention* и других «разумных развлечениях». Между тем человек подлинный хочет только самку, хлеба или золота, что одно и то же, и, пожалуй, зрелищ, и всеми силами души своей ненавидит свободу и справедливость, с которыми он решительно не знает, что ему делать.

— Я думал о человеке иначе... — задумчиво сказал лорд Пэмброк.

— Знаю, знаю... — улыбнулся профессор. — В одной из самых замечательных, самых характерных для человека книг, в Библии, есть одно интереснее место, где автору хотелось быть глубоким, но не совсем удалось. Я говорю об искушении в пустыне. Имей тут дело с Сатаной обыкновенный человек, ему достаточно было бы бочонка с золотом и эдакую хорошенькую бабенку в более или менее прозрачной одежде. В этой же Библии говорится лишь, что Адам за самку отдал божественный рай, а за тридцать сребреников человек не раз, а миллионы раз отдал на распятие Христа...

— Послушайте, а это? — с тихим укором проговорил лорд Пэмброк, указывая на портрет красавицы и на цветы перед ним.

Профессор пожал плечами и особенно задушевно сказал:

— Все люди смертны, Кай — человек, следовательно, и Кай смертен... Это только подтверждает мои слова...

— Вы жестокий человек!... — сказал тихо лорд.

— О, нет!... — возразил профессор. — Но я прежде всего хладнокровный человек, сын своего века, века сумерек божков, века всеожоженья... А я скорее мягкий, жалостливый человек, — медленно проговорил он и, отпив вина, засмеявшись, продолжал: — И эта вот жалостливость и толкает все меня выступить в этой пустыне в роли Сатаны-искусителя. Из-за женщины здесь уже началась свалка, уже разыгры-

* Заочные курсы или лекции, организуемые университетом (англ.).

вается несколько сереньких трагикомедий, но самая яркая идет вокруг прекрасной Евы. А теперь подсунуть бы им еще золота, да побольше...

— О, на золоте вы не поймаете их!.. — воскликнул Пэмброк. — На наших глазах ведь они выбрасывали его в море...

— Они выбрасывали только горсть, но очень вероятно, остановились бы пред бочонком... — засмеялся профессор. — И... покаюсь уж вам до конца: я уже пустил слух, что в пещерах горы Великого Духа хранятся, по преданию, слышанному, будто бы, мной от туземцев, несметные богатства их древних королей. Это невероятно глупо, потому что никаких древних королей у них не было, не могло быть и никаких сокровищ, потому что они всегда были богаты только разве своим несокрушимым здоровьем, но вы увидите: глупо, а клонет обязательно... И уже клонуло: когда я вчера в сумерки, как бы случайно проехал там верхом, я видел, как в зарослях ходили уже вокруг горы, высматривая, какие-то темные тени. Но гора эта табу и охраняется жрецами...

— Не понимаю, для чего вы все это затеяли... — засмеялся лорд.

— Все для того же: чтобы ускорить процесс выздоровления... — отвечал профессор и, оживляясь, воскликнул: — И если бы удалось, в самом деле, в пещеры эти подбросить немного золота или алмазов, что ли, о, как затрещала бы по всем швам эта их больная мечта о царстве небесном на земле...

— Алмазов? — сказал Пэмброк. — За ними дело не стоит, — в неделю я их наделаю вам целую тонну...

— Да что вы говорите?! — воскликнул профессор. — И будут похожи на настоящие?

— Вы ни за что не отличите... — отвечал англичанин.

— О, это было бы великолепно!..

— А знаете, это, в самом деле, интересно!.. — оживился и Пэмброк. — Дайте мне достаточно угля и ваше искушение в пустыне готово... Лаборатория моя уже вполне оборудована...

— Значит, по рукам!.. — весело воскликнул профессор и, встав, подошел к какому-то расписанию на стене. — Поз-

вольте: где это?.. Комиссия по снабжению топливом... Да где же она?.. Ага, вот.... — засмеялся он. — Комната 27... Так, но вам, я полагаю, надо еще предварительно получить ордер из комиссии научной... Ага, вот и она: комната 6 в здании 4 П. Впрочем, вы с вашей рассеянностью не справитесь с этим, — это я сделаю лучше всего чрез Рейнхардта. Значит, решено и подписано?

— Да... — кивнул англичанин — Но мне хотелось бы на минутку возвратиться к нашей теме о человеке. Я не оспариваю вас, но и не соглашаюсь с вами, — я просто подхожу к человеку и жизни с этой стороны впервые. Но меня все более и более угнетает колоссальное значение случая в жизни человеческой... Не это ли называли древние роком? Я не помню, кто это сказал, что, будь нос Клеопатры чуточку подлиннее, вся история рода человеческого была бы иной. Но ведь и форма ее носа зависела лишь от игры слепого случая... — заключил он и после короткого молчания мечтательно и немного застенчиво проговорил: — Вот и у меня был в жизни случай... Я... это было несколько лет тому назад... я любил одну милую женщину, но... я был всегда застенчив и никак не решался сказать ей об этом. Наконец, я собрался с духом и послал ей письмо... Проходит день, неделя, месяц — ответа нет. Я понял, что все для меня кончено. Я уехал в кругосветное плавание, а потом, вернувшись чрез три года, заперся в своей лаборатории. И так прошли еще года... И вдруг, только недавно, я узнаю, — и как это было жутко... тяжело узнать!.. — что она ответила и ответила так, что я сошел бы с ума от счастья, но — ее письмо совершенно случайно не дошло до меня! А получи я его, я вероятно не был бы ни химиком, ни анархистом и сидел бы не на дурацком острове этом, а в палате лордов, вероятно. Вся жизнь оказалась построенной на крошечном клочке бумаги, покрытом несколькими каплями чернил, который случайно вместо Брайтона попал в Лондон...

В дверь постучали.

— Войдите... — отозвался профессор.

В комнату вошел доктор Бьерклунд, спокойный и замкнутый швед.

— А-а, наш милый доктор!... — воскликнул профессор.
— Рюмочку мадеры? Ах, да, как истинный коммунист, вы ведь абстинент... Что это какой у вас расстроенный вид?

— Так, неприятность тут маленькая вышла... — здороваясь с обоими, отвечал доктор неохотно.

— В чем дело? — спросил Пэмброк.

— Так... с туземцами...

— Ну, доктор, что же вы скрываете?... — сказал профессор. — Мы же все здесь свои...

— Да я и не хочу скрывать, только... очень неприятно... — сказал Бьерклунд. — В соседнем поселке одна молоденькая девушка оказалась зараженной... сифилисом...

— Уже ? — воскликнул профессор. — Это, что же, подарок ее белых братьев, что ли?

— По-видимому, да... — пожав плечами, сказал доктор. — Туземцы раньше этой болезни не знали. Сейчас у наших идет горячее собрание: умоляют больного назвать себя, не подвергать опасности всю колонию, детей, но все молчат. На ушко мне шепнули, что это дело Скуйэ, но вслух сказать бояться: они забрали страшную силу и терроризовали всех.

— Видите, друг мой, как скоро дала нам жизнь иллюстрацию на тему об искушении в пустыне!... — сказал профессор Пэмброку. — Человек за прелести маленькой, черной, губастой Евы снова и снова отдал рай, — правда, на этот раз только коммунистический... Это что такое? — перебил он себя, когда в открытую на террасу дверь вдруг послышалось какое-то унывное хоровое пение.

Он встал, заглянул на дорогу и воскликнул:

— Посмотрите-ка: голые!...

По залитой солнцем дороге шла толпа голых русских сектантов и в унисон тянула:

Наше высшее призванье
В жизни радость разливать
И под гнетом испытанья
Людям Бога указать...

И, перебивая пение, со всех сторон летели крики:

— Все берите!... Ничего не жалко!... Не будем служить мамону, не будем купаться в крови человеческой!...

И они срывали с себя последнюю одежду и бросали ее прочь. Черные, и без того уже перегруженные всяким добром, шли следом и добродушно скалили свои белые зубы. Они думали, что это какая-то игра белых...

— А-а, бунт!... — заревел, вырываясь из-за угла, Гаврилов. — Врете... И вы будете работать все... Скуйэ, заходи спереди... Эй, ты... как тебя ? черт, не пускай... Бей их, черт их совсем дерит...

Раздалось несколько беспорядочных выстрелов из револьверов, крики боли и ужаса. И сектанты, и черные бросились во все стороны, падая и роняя вещи.

Маслова бросилась между стреляющими и бегущими и истушенно кричала:

— Что вы обезумели, изверги? Что они вам сделали ?

— Дай ей по башке, старой чертовке, Скуйэ!... — распыленный, крикнул Гаврилов. — Вот так!...

Латыш рукояткой револьвера ударил старуху в висок и она ткнулась носом в пыльную дорогу. Шум, крики, истерика...

V.

ИСКУШЕНИЕ В ПУСТЫНЕ

Ева и Надьо сидели за шитьем в небольшом заброшенном садике. Рейнхардт курил, развалившись в дешевом плетеном кресле, и, видимо, нервничал. Сквозь деревья виднелась недостроенная станция радиотелеграфа, дремлющий на рейде крейсер, а дальше — голубой туман океана.

— О, добровольная бедность, которую проповедует ваш друг Макс, нисколько меня не прельщает, нисколько!.. — говорил Рейнхардт. — Бедности никто нам не запрещал и в старом мире. Нет, мы воздвигнем здесь золотые дворцы, мы с помощью науки и вольного труда, который делает чудеса, окружим себя такою роскошью, какая не снилась и восточным царям, мы весь остров наш превратим в цветущий, благоухающий и ликующий эдем...

— Удивительно!.. — опуская шитье, нетерпеливо воскликнула Надьо. — Неужели и теперь еще, после шестимесячного опыта, вы искренне верите во всю эту... чепуху? Какие золотые дворцы, когда я едва-едва получила жалкую хибарку, в которой во время дождя так льет с потолка, что я должна уносить детей к соседям? Какой благоухающий Эдем, когда неумелые скотницы перепортили всех коров и детям не хватает молока? Какая восточная роскошь, когда у вас у самого сапоги не чищены? И какой черт понес меня на этот проклятый остров, понять не могу!.. — схватившись за голову, с отчаянием воскликнула она. — А с детьми что делают! Одни учителя рассказывают им старые красивые легенды о Боге, а другие, издеваясь, кричат, что никакого Бога нет, — как только ребятишки с ума не сойдут!.. И зачем, зачем понесло меня сюда?!.. — повторила она, вставая быстро. — Извините, Ева, я... я... не... могу...

И, стараясь сдержать слезы, она, бросив шитье, торопливо пошла к бедному домику, который выглядывал из-за деревьев.

— Да... — вздохнула Ева, не подымая глаз от шитья. — Эти ваши слова похожи теперь на драгоценное шитье на старой, грязной тряпке. Какие, в самом деле, золотые дворцы, когда у нас нет ни куска сахара, а вчера все дети страдали и плакали от дурно выпеченного хлеба? И та ваша железная дисциплина, о которой вы так много говорили, не дала решительно ничего, кроме крови: люди трудятся, бестолково, апатично, как запуганные рабы, все запутались в ваших распоряжениях и комиссиях, как в тенетах, и не только вдаль не видно никаких золотых дворцов, но вся жизнь стала похожа на длинную, грязную, серую дорогу. И вы уже пролили кровь...

— Ева... — отбросив папиросу, страстно проговорил вдруг Рейнхардт, вставая. — Одного вашего слова достаточно, чтобы все было так, как вы хотите... Я никогда ничего не...

— Что такое? — воскликнула красавица с изумлением. — Что вы говорите?

— Ева... Да неужели же вы, в самом деле, не видите, как я вас люблю?!.. — воскликнул он. — Ведь, это так страшно ясно! Я измучен...

— Не смейте говорить мне ни слова о вашей любви!.. — гневно воскликнула она, вставая. — Если я, побеждая отвращение, говорю еще с вами, чьи руки в крови, то только в надежде... А-а, профессор, как я рада вас видеть!.. — прервала она себя, обращаясь к профессору Богданову, который вышел из-за деревьев. — Милости просим ...

Рейнхардт едва сдержал жест бешенства.

— Чему я обязан этой радостью прелестнейшей из женщин? — здороваясь с ней, пошутил тот. — Моим личным качествам?

— Разумеется... — улыбнулась Ева. — Садитесь...

— Мое почтение, председатель... — кивнул профессор Рейнхардту и сел. — Я к вам собственно только на минутку, чтобы поделиться с вами очень интересной новостью... — сказал он. — Вы помните, я рассказывал вам о сокровищах древних королей, скрытых в пещерах горы Великого Духа? Я, признаюсь, не особенно верил в эти сказки, но все же меня заинтересовало это, и я постарался поближе познако-

миться со жрецами, которые живут при этом их святилище у подножия горы. На мое счастье один из них, старик, вследствие какого-то ушиба, что ли, страшно мучился невралгическими болями головы. Я дал ему своих порошков — ну, кофеин там, антипирин и еще что-то... — и все у него как рукой сняло. Жрецы были поражены моим всемогуществом, они воздавали мне чуть не божеские почести, а сегодня в благодарность старик принес мне вот это маленькое доказательство, что сокровища горы Великого Духа не легенда только, но факт. Посмотрите... — сказал он, вынимая из кармана целую горсть крупных алмазов и сапфиров и показывая их Еве. — Каково?

— Боже, какие прелестные камни!... — всплеснула Ева руками. — Какое богатство!...

— Позвольте мне поднести их вам, как слабое выражение моего преклонения пред вашей красотой... — сказал любезно профессор.

— Конечно, нет... — сказала Ева. — Такое богатство!...

— Это было бы богатством в старом мире, — сказал профессор, — а здесь, в коммунистическом царстве, это имеет цену не большую, чем капли утренней росы или огоньки светляков в зелени. А кроме того — засмеялся он, — запасы кофеина и антипирина у меня достаточны... Вы доставите мне истинное удовольствие...

— Ну, хорошо, чтобы сделать вам приятное... — согласилась Ева. — Спасибо... Ах, какая прелесть!...

— Но значит, там, в самом деле, скрыты колоссальные богатства... — заметил Рейнхардт с разгоревшимися глазами.

— Позвольте, какие же «богатства»? — усмехнулся профессор. — Здесь это только красивые кусочки углерода, не больше. А кроме того, они ведь и недоступны: гора эта табу и иноземец не может ступить на ее почву, иначе Великий Дух покарает его смертью на месте...

— Ну, это только рассказы жрецов!...

— Во всяком случае из-за таких пустяков, ни на что здесь, в новом мире, не нужных, не следует портить отношений с туземцами... — сказал профессор.

— Да я и не собираюсь грабить их... — криво усмехнулся Рейнхардт. — Но вообще это очень интересно, хотя бы... с научной точки зрения...

— Это другое дело... — согласился профессор. — Тогда надо как-нибудь осторожно использовать жрецов. Но сохранни Бог заводить какие-нибудь неприятности!... Я думаю, что было бы даже большой неосторожностью рассказывать об этом всем, — зачем вводить людей в соблазн?... Однако, мне пора... — сказал он, вставая. — Мне было приятно сделать вам маленькое удовольствие, — хотя вы и коммунистка, но вы все же женщина прежде всего...

— Они так прекрасны... — сказала Ева, пересыпая камнями и любуясь их игрой.

— Ну, всего доброго... Прощайте, председатель...

— До свидания... — сумрачно сказал Рейнхардт.

Профессор ушел. Наступило тяжелое молчание. Ева все любовалась игрою камней.

— Я должен идти, но... но... я не могу уйти... — очень волнуясь, проговорил Рейнхардт. — Раз навсегда я должен выяснить...

— Я вам все выяснила... — нетерпеливо прервала его Ева. — Я из чувства простой гуманности сдерживалась, но раз дело зашло так далеко, то и скажу вам совершенно определенно: вы внушаете мне непреодолимое отвращение... Вы осквернили невинную кровью самую чистую, самую святую мечту мою, вы... О, Макс, как вы долго!... — радостно устремилась она навстречу вошедшему Макс.

— Я готовился к завтрашней лекции о Веданте... — отвечал он, здороваясь с ней. — Но мне не хватало несколько книг, — в библиотеке нашей ужасающий беспорядок... Здравствуйте... — не подавая руки, сказал он Рейнхардту.

— Здравствуйте... — сухо отвечал тот. — А о беспорядках это в мой огород?

— Причем тут ваш огород? — пожал плечами Макс. — У нас во всем страшный беспорядок. Несколько ящиков с очень ценными книгами совсем пропали, например. То, что я предсказывал вам, случилось...

— Я что-то не помню никаких ваших предсказаний... — раздраженно отвечал Рейнхардт.

— Я говорил, что палкой прекрасной жизни не творят, что для того, чтобы поднять людей на великую созидательную работу, надо заразить их энтузиазмом и тогда они сделают чудеса, а вы...

— Если бы нам не мешали такие фантазеры и болтуны, как вы, так у нас тоже давно свершались бы чудеса... — запальчиво перебил Рейнхардт. — Вы думаете чрезвычайной комиссии не известно, какую агитацию ведете вы с Арманом против нас? Вы думаете, мы не понимаем, кто поднял движение этих голых идиотов, нарушившее весь хозяйственный строй жизни коммуны? Пожалуйста, пожалуйста, не отрицайте фактов!... — крикнул он в ответ на протестующий жест Макса. — Я отлично понимаю, что не вы подсказали им эти дикие, истинно-русские формы протеста, но вы заразили этих дураков духом анархизма и презрения к созидательному труду... Но помните: шутить с собой мы не позволим никому! ...

— Это что такое? Угрозы?... — вся вспыхнув, воскликнула Ева. — Идите вон!... Сейчас же...

— Уйду, но... но помните меня... — глухо сказал Рейнхардт, вставая. — Мы не остановимся ни перед чем, раз в наших руках власть...

Ева как бы невольно прикрыла собой Макса и, вся горя негодованием, снова повторила:

— Идите вон!...

Рейнхардт, весь бледный, большими шагами вышел из сада... Ева на мгновение закрыла лицо руками и тихонько проговорила со страхом:

— Да, они способны на все...

— Ну, стоит обращать внимание... — сказал Макс и вдруг, увидав на ее рабочем столике камни, воскликнул: — Что это у тебя ? О, какая прелесть...

— Это из пещер горы Великого Духа... — отвечала она, успокаиваясь. — Посмотри, какая прелесть... Какой-то волшебный каменный огонь... Макс?...

— Что, милая?

— Отчего ты не говоришь мне никогда, что ты любишь меня?

— Да зачем же говорить это бледными словами? Разве ты не чувствуешь и так, что вся душа моя, все мысли, вся жизнь — одна сплошная молитва тебе? — отвечал он, опускаясь к ее ногам и целуя ее руки.

— Но сколько сладкой музыки в этих бледных, по-твоему, словах!... — лаская его, говорила она. — О, говори, говори мне миллионы раз, что ты любишь меня...

— Люблю, мое солнце, люблю, люблю... — блаженно повторял он, ненасытимо любуясь ею и целуя ее руки, колена, платье.

— Максик, не суди меня строго, но я, кажется, очень слабая женщина... — тихо, все лаская его, говорила Ева. — Я должна признаться тебе в очень грешных мыслях... Если бы ты знал, как хочется мне улететь с тобою с этого неуютного острова далеко, далеко... Не сердись, милый, но здесь мы с нашей любовью точно в стеклянной банке какой выставлены... точно мы с обнаженными душами стоим на базаре... Там, в старом мире, можно было быть одиноким и среди миллионов, как в пустыне... Это очень нехорошо, что я говорю, милый?

— Нехорошо... — сказал Макс. — Разве ты думала, что пред тобою легкий путь?

— О, да!... — воскликнула Ева. — Мне наша новая жизнь представлялась триумфальным шествием среди цветов, — с гимнами, смехом, поцелуями, — помнишь, как тогда, на палубе, в океане?...

— То был момент, прекрасный порыв... Нет, наше дело эго подвиг, тяжелый подвиг...

— О, какой тяжелый!... — вздохнула Ева. — Эта борьба самолюбий, эти низкие интриги, это деление на повелителей и повинующихся, это приниженное искательство у сильных, как у этого противного Гольдштерна... И посмотри, что я на днях заметила: девушки пошли за цветами и любовно украсили ими свои уголки, и ни одной из них, ни одной не пришла в голову мысль пойти и украсить так нашу общую столовую, так, без всякого повода только от переполнен-

ного любовью сердца... И угнетает меня страшное убожество нашей жизни, — не та добровольная, прекрасная простота ее, о которой всегда говоришь ты, а какое-то роковое убожество, какое-то отсутствие таланта прекрасной жизни... Мы много говорим все о каком-то творчестве, но творчество это никогда не начинается. Милый, мечта умерла и что делать, я не знаю...

— Бороться еще... — сказал Макс. — Надо усвоить себе твердо, что пред нами не готовая Земля Обетованная, а тяжкое созидание веси Господней... И те темные явления, которые пугают тебя, родная, это как раз те пропасти, из которых поднимается в лазурь гордая, прекрасная, белоснежная вершина. Пойми и не забывай: нет пропастей, нет и вершин.

— Может быть, это и так, — печально сказала Ева и, оживляясь, мечтательно продолжала: — Но... мне хотелось бы сесть с тобой в маленькое суденышко под белым парусом и по мелким веселым волнам, в которых играют солнечные зайчики, плыть молча, плыть и смотреть в ласковое небо, далеко, далеко плыть... А потом приплыли бы мы — куда, не знаю... — и был бы у нас в горах, среди лесов, свой маленький, беленький, веселенький домик, но свой, свой... И ты писал бы свои стихи, свои прекрасные книги... И было бы хорошо, если бы это было там, на родине, в Европе, — я так люблю ее, и горы ее, и развалины замков, поросшие барвинком и плющом, и шумные сельские ярмарки с веселой музыкой, и Большую Медведицу над снежными полями, и седые сказки о былом... И были бы мы вдвоем, только вдвоем и ты миллионы раз говорил бы мне: люблю, люблю, люблю тебя...

В сад быстро вошел комиссар с красной перевязью на рукаве и трое конвойных.

— Товарищ Макс, по постановлению чрезвычайной комиссии вы арестованы... — твердо сказал он и, обратившись к конвойным, прибавил повелительно: — Возьмите его...

VI.

ГОЛОС С ДАЛЕКОГО СЕВЕРА

Профессор Богданов работал в своей комнате. Пред портретом красавицы благоухали свежие цветы. В океане дремлет крейсер...

В дверь постучали.

— Войдите... — отозвался профессор,

В комнату быстро вошел лорд Пэмброк.

— А-а, милости просим... — приветствовал его хозяин.

— Садитесь... да что с вами ? Вы расстроены?

— Да тут черт знает что делается!.. — садясь, воскликнул Пэмброк. — Ваше предсказание сбылось: Рейнхардт арестовал Макса. Ко мне прибежала вся в слезах Ева и сообщила эту новость, умоляя спасти его. Я тотчас же, конечно, отправился к этому негодяю, чтобы потребовать освобождения Макса: в конце концов он ведь германский подданный и...

— Ого, о чем вспомнил, анархист!.. — засмеялся профессор.

— Да ведь нельзя же, в самом деле, рассматривать этот остров, как какое-то суверенное государство, а Рейнхардта и его сообщников, как правительство! Все-таки это только место деликатной ссылки.

— Ошибаетесь, горячий друг мой... — возразил профессор. — С их точки зрения это фундамент, преддверие новой эры, с нашей — лечебница для душевнобольных...

— Во всяком случае одни больные не могут присвоить себе права казнить других больных только потому, что они им чем-то мешают или не нравятся!.. — воскликнул англичанин.

— Да разве не везде так делается ? — усмехнулся профессор. — Но скажите между прочим, друг мой, чистосердечно: была ли бы ваша защита так же горяча, если бы... нос Евы был несколько подлиннее?

— Не знаю... — смутился немного Пэмброк. — Но к де-

лу... Прихожу я, взбешенный, туда, — никого!.. Вся шайка куда-то исчезла...

— Уже? — усмехнулся профессор. — Значит, в пещеры устремились...

— А вы разве были там?

— Был... Мы хорошо выпили со жрецами, а потом, когда действие рома повергло их с непривычки в прах, я пробрался в пещеры... Первые две, маленькие, совсем пусты, — только кости каких-то животных белеют на полу, — а в третьей, большой и красивой, сидят три каменных изображения божества, — так, грубое подобие человека с невероятно зверским выражением лица ... А пред ними — три больших камня, вероятно, жертвенники... На эти камни я и насыпал алмазов и сапфиров, а потом разбросал их и по земле, по направлению к дальним пещерам, куда ведет очень узкий проход... Ну, а затем вернулся домой...

— Слухи о сокровищах взбудоражили весь остров... — сказал, поблескивая очками, Пэмброк. — Точно что-то темное и пьяное ползает теперь среди людей. Но что нам здесь делать? Еве и Максу помочь надо.

— Торопиться некуда, мой друг... — возразил профессор. — Тем теперь не до Макса. А Максу посидеть за решеткой и Еве поволноваться немножко только полезно — ведь, это и есть курс их лечения. Для чего же мешать ему? А потом мы, конечно, постараемся освободить его... Да, вы знаете, на днях прибывает из Европы пароход ? Я вот готовлю отчет за первое полугодие...

— Очень интересно, как вы это написали... — сказал лорд.

— Да так, как есть... — пожал плечами профессор. — Полный развал хозяйственной жизни, грызня разных котерий* между собою за власть и не только впереди не видать никаких гордых завоеваний, но и то добро, которое привезли с собою, разматывается и топчется под ноги без всякой пользы для кого-либо. Я сам не ожидал, что резуль-

* Котерия — партия, союз лиц, объединенных общими интересами, от *лат.* *coteria* (отряд наемников), *фр.* *coterie*.

таты скажутся так быстро. Лечение идет настолько энергично и успешно, что значительную часть пациентов можно была бы выписать теперь же и вернуть в обычные условия жизни, но я хочу, чтобы они сами сказали это слово...

— А знаете, мне все кажется, что вы что-то слишком уж холодно относитесь к вашим... пациентам... — заметил Пэмброк. — Ведь, многие из них искренне и глубоко страдают...

— Дорогой друг мой, я спокоен потому, что знаю, что другого выхода для них нет... — твердо сказал профессор. — Они должны испить чашу священного безумия до дна и только там, на дне кубка, они увидят простую, казалось бы, истину, что они только неудавшиеся обезьяны, а совсем не боги-олимпийцы, какими они себя вообразили, совсем не Прометеи... Чем жестче опыт, тем скорее выздоровление... И мне иногда даже жаль, что вы здесь, — право, иногда вы очень мешаете им выздороветь...

— Я не такой объективный профессор, как вы... — улыбнулся Пэмброк, вставая. — Ну, до вечера...

— До вечера... — пожал ему руку профессор. — И не очень утешайте прекрасную Еву...

Лорд Пэмброк вышел, но только что профессор взялся снова за перо, как в дверь опять легонько постучали и в комнату вошел Петр.

— Извините, барин, что помешал... — сказал он. — Я хотел только спросить вас, правда ли, говорят, что скоро с родины пароход прийти должен?..

— Да. А что ? — спросил профессор.

— Сделайте божескую милость, барин: отправьте меня домой... — сказал Петр. — Сил моих больше нету...

— В чем дело, голубчик? — ласково отозвался профессор, отодвигая отчет. — Зачем тебе домой?

Петр молчал в тяжелой борьбе с чем-то.

— Барин, да ведь вы... ничего не знаете... — едва выговаривал он, наконец. — А я... я ведь... убийца... Ведь меня мать-сыра-земля не носит. Вся душа моя выболела...

— Постой, брат... Так волноваться не годится... — сказал профессор. — Давай говорить спокойно и толком... Можешь быть уверен, что никто, кроме меня, беды твоей знать не

будет... Кто там? — крикнул он, отвечая на новый стук в дверь. — Войдите... А-а, пожалуйста... — поднялся он навстречу вошедшей в большом волнении Еве.

— Простите... — сказала она, взглянув на сильно взволнованного Петра. — Я, кажется, не вовремя...

— Мне, барышня, ничего... — волнуясь, отвечал Петр. — Я хошь на площади все скажу... И давно сказал бы, да ведь не поймут здесь этого... Здесь еще в ладоши хлопать будут: я убивец, а по-ихнему выходит, что я святое дело изделал...

— Ну, хорошо... Барышня добрая и поймет все, как нужно... — сказал профессор, подставляя стул Еве. — Садитесь... И ты садись... Вот так... — сказал он, сажая Петра за плечи на стул. — Не волнуйся и рассказывай все по порядку...

— Я, барин, из Екатеринбургх сам... — совладав немного с собой, тихо начал Петр. — И в солдатах там служил. А когда матросы царскую семью туда привезли, в караул к ним сколько разов я ходил. Да... И, Господи, что там только делалось!.. И что ни день, то страшнее, — бывало, волосы на голове от страху шевелятся, а отставать от других не могли!.. И поместили их под конец в каморку маленькую, в одно окошечко, и на всех семерых кроватку одну дали поганенькую, о трех ножках, железную. Царица-то совсем больная была, так те кровать-то ей отдали, а царь с наследником и дочерьми на полу спал, на грязной соломе, все в одной куче... А мы это за столом сидим, у окошка, махоркой дышим, в карты дуемся, матершинничаем, а как полночь, подымаем всех, быдто, проверку делать и обыскивать: и царя самого, и наследника сонного, и царевен... И погано так шарим, нехорошо, чтобы обидно было, горька чтобы было, а в особенности царевен, девушек... Иной раз какая так вся и вспыхнет... Да... И оборвались все они, загрязнились, исхудали, и глаза у всех сделались страшные-страшные, большие такие... А потом... велели там... енти... прикончить чтобы всех совсем... И должно быть, почуяли они конец свой... Смотрю, царевна Ольга... вся исхудалая, точно насквозь вся светится... достала откуда-то клочок бумажки и на коленках пишет что-то, — подумает, подумает и еще попишет, а у самой слезы из глаз катятся... И на меня по-

смотрела этими глазами своими, — не выдержал я, отвернулся... Ну, велели всех их в подвал вести. Да. А вокруг это солдатня пьяная, похабство... Государь, видно, понял, побелел весь, прижал мальчика к себе... и тот беду чувствует, так весь и трепыхается... а царь гладит его по головке, целует, говорит что-то тихонько... царица на грязном полу бьется... волосы седые на себе рвет... царевны трясутся, плачут... Господи, Господи, сил моих нету!.. И давай те... из левольвертов... всех... в упор... Да... А потом свалили всех... на телегу... увезли за город... на пустырь... и... жечь давай... Прибежал я, себя не помню, назад — зачем, уж и не знаю... ополумел... — смотрю, бумажка ее в соломе запуталась... Поднял я ее и... и... вот... — едва выговорил он и подал профессору клочок мятой бумаги.

Профессор заглянул в написанное. Лицо его омрачилось. Петр, закрыв лицо руками, тряся, не в силах выговорить ни одного слова.

— Вся душа кровью облилась... — едва слышно сказал он. — И... убежал я от их... В лесах, в монастырях скрывался... молился... постом изводил себя — нет, не легчает сердцу!...

И когда прошел слух что собирают всех большевиков на вывоз, объявился и я, — думал я, наказание отбывать. А тут вместо того шоколад, бисквиты... баловство всякое... Отпустите, барин, домой, — приеду, повинюсь, пушай в каторгу пошлют, пушай казнят, а так... не могу... я... Как вспомню я эти... глаза ихние... страшные... понимающие... в душу смотрят... как она на коленках пишет... не могу, нет... Лучше руки на себя наложить...

— Хорошо, ты поедешь, голубчик... — тихо сказал профессор и, подняв на солдата испытующий взгляд, продолжал: — Но я советовал бы тебе об этом никому не заявлять. Это было давно, искать тебя никто не будет, ты можешь жить спокойно и честно трудиться. Какой толк теперь в твоём заявлении? Ведь тех несчастных ты все равно не воскресишь... А на обзаведение и на дорогу возьми вот несколько этих камней — ты слышал ведь о них? Продашь и на всю жизнь будешь обеспечен ... — говорил он, доставая из

ящика стола алмазы. — Ты славный парень и я рад помочь тебе...

— Не понимаете и вы меня, барин... — встав, с тоской проговорил Петр. — Не спокойя ищю я себе, а страданья, креста ищю, чтобы искупить страшный грех свой... И не нужны мне ваши камушки... Спасибо за доброту вашу, а только ни к чему мне это...

— Ну, хорошо... — сказал профессор задумчиво. — Готовься к отъезду... И, если что будет нужно, ты скажешь мне, и я все сделаю... А эту бумажку подари мне на память ...

— Возьмите, барин... Только сделайте милость, не... показывайте ее тут никому... Не понимают тут люди этого... надсмеются еще... Благодарим покорно, барин, что... не погнушались... Я уж пойду... Низвините, барышня... — поклонился он Еве, не подымая глаз, и вышел.

— А что там... на бумажке?... — взволнованная, сказала Ева.

— Ее молитва... стихи... — тихо отвечал профессор. — Вот послушайте... — прибавил он и прочел:

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей...
Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, страшный час!
И у преддверия могилы
Вдохни в уста твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов...*

* Молва приписывает эти стихи Великой Княжне Ольге. Написаны они, как полагают, в заточеньи в Екатеринбурге (*Прим. авт.*). — На самом деле это стихотворение С. С. Бехтеева было лишь переписано в. к. Ольгой.

Наступило взволнованное молчание.

— Да, — проговорил тихонько профессор. — Рай, а на пороге его обгорелый труп невинно замученной, чистой, хорошей девушки... И все это наделала ваша мечта о золотом веке!...

— Не добивайте меня, Борис Николаевич... — грустно сказала Ева. — С меня уж и так довольно. Мечта — умерла...

— И слава Богу... Вы пришли, конечно, относительно Макса... — помолчав, сказал профессор. — Конечно, мы добьемся его освобождения. А на днях приходит из Европы пароход — забирайте его и поезжайте с Богом домой...

— О, если бы он только захотел!... — тоскливо пролепетала Ева.

— Будем уговаривать... — усмехнулся профессор и, вдруг спохватившись, прибавил: — Да, а я еще должен просить у вас прощения...

— В чем?

— Камни, которые я вам поднес, фальшивые...

— Как? — широко раскрыла глаза Ева. — Зачем же вы это сделали?

— Мне нужно было испытать ими Рейнхардта да и других...

— О, зачем вы это сделали?!... — с упреком сказала Ева. — Посмотрите: все ходят, как отравленные. И Бог знает еще, что может выйти из всего этого... О, как неосторожно вы поступили!...

— Вы решительно заражаете меня вашей тревогой... — немножко смутившись, сказал профессор. — В самом деле, я, кажется, поступил неосторожно...

Дверь вдруг широко распахнулась и в комнату влетел весь бледный Арман. Увидав Еву, он разом осекся.

— Что такое? Что случилось? — воскликнули профессор и Ева вместе.

— Так... ничего особенного... — пробормотал он. — Впрочем... все равно, не скроешь... У нас большое несчастье: Макс — убит . . .

— Не может быть!... — вскочив, воскликнул профессор.

— Макс? Вот вздор... — пролепетала Ева, вся побледнев.

— Расстрелян... — подтвердил Арман. — Дети пошли в лес за цветами и нашли его тело на опушке...

Профессор хмуро опустил голову. Ева долго смотрела широко открытыми глазами на Армана, потом вдруг точно подломилась и без звука упала мимо кресла на пол. Легкий ветерок, ворвавшись в комнату, сдул со стола бумажку со стихами Великой Княжны и она, тихо порхая, упала на пол...

VII.

В ПЕЩЕРАХ ГОРЫ ВЕЛИКОГО ДУХА

Освещая путь дымящимися головнями, несколько чернокожих жрецов с пестрыми перьями на головах и с грубыми топорами и копьями в руках, испуганно отступали в черный мрак пещеры. В багровом отблеске головней смутно и страшно выступили из мрака тяжелые фигуры каменных богов с изумительно зверскими лицами. Тревожно переговариваясь низкими голосами, жрецы попытались было загородить собою черную дыру прохода, но оттуда бледными жалами сверкнуло несколько револьверных выстрелов, и четверо туземцев упало, а остальные, бросив головни, в ужасе забились по темным углам. С револьверами в одной руке и с электрическими фонариками в другой, в пещеру ворвались Гаврилов, Скуйэ, Нэн, Рейнхардт, Десмонтэ и еще несколько коммунистов. Синеватые полосы электрического света резко рвали мрак и по стенам пещеры, точно демоны, заматались и заплясали черные тени коммунистов. В несколько мгновений они покончили выстрелами с уцелевшими жрецами и, осветив богов и жертвенные столы, на которых сверкали кучи драгоценных камней, в изумлении замерли.

— Ого!... — выговорил только Гаврилов.

— Да, потрудиться стоило... — с грубым смехом заметил одноглазый Скуйэ..

— Ну, что же, приступим, товарищи... — деловито сказал Нэн. — Делите, Рейнхардт...

— Конечно, что терять время... — заикаясь, сказал высокий, скуластый коммунист. — Не нагрянул бы кто?...

— Ну, кто ночью полезет... — возразил маленький и рыжий. — Но мух ловить ртом, конечно, нечего... Начинайте, Рейнхардт.

— Все согласны, товарищи? — спросил тот.

— Согласны, согласны... — раздалось со всех сторон. — Начинайте!...

Дрожащими руками, роняя камни, Рейнхардт начал одевать всех горстями камней.

— Теперь только в одном загвоздка: как удрать с острова?... — проговорил Гаврилов.

— Д-да, это дело мудреное!... — сказал Скуйэ, ревниво следя за дележом.

— Ничего тут мудреного нет... — отвечал Нэн. — Скоро, говорят, сюда придет пароход из Европы, — предложим команде по камушку с персоны и увезут в трюме куда хочешь ...

— Да!... — засмеялся рыженький. — А выйдут в океан, нож в бок, карманы очистят, за ноги и в воду... Что они, дураки, что ли?... Смекают...

— Сидеть теперь здесь все равно не будешь... — сказал высокий.

— Разумеется... — согласился Рейнхардт. — С такими запасами можно развить чертову пропаганду во всем мире...

— На кой она черт теперь, ваша пропаганда-то?... — сказал грубо Скуйэ. — Раз все видят, что ничего, кроме дурацкой канители, из дела не выходит, так на кой дьявол и бумагу зря на прокламашки изводить? Провалились и баста ...

— Довольно повозжались... — сказал рыжий. — Пора и бросать...

— Ну, нет... — резко возразил Рейнхардт. — Если не вышло по-нашему, то не выйдет и по их. Тогда месть, месть беспощадная! Тогда запалим старый мир со всех концов и пусть все идет к черту...

— Вы действуйте больше руками, а не языком... — с досадой сказал Нэн. — А то с очереди собьетесь...

— Не на митинге... — засмеялся высокий. — Не знаю, как кто, а я теперь запаливать мир не согласен.

— Теперь поживем... — прищелкнул языком Скуйэ. — А если какому черту вздумается, в самделе, что-то там такое запаливать, пусть запаливает от меня подальше, а то осерчаю...

Все засмеялись.

— По-моему, товарищи, теперь надо всем нам расходиться... — сказал Гаврилов. — Как я хочу, так с острова и уезжаю, что хочу потом, то и делаю. Незачем связывать один другого...

— Вот это правильно!... — раздались голоса. — Теперь все врозь. Кто там в пропаганду, кто запаливать, а кто просто в автомобиль да к девочкам. Довольно попостились...

— Ну, не все постились... — смеясь, заметил высокий. — Вон Скуйэ всех черных девчонок тут перепортил...

— Но, но, но... — грубо оборвал Скуйэ. — Говори да не заговаривайся...

— Ну, все... — воскликнул Рейнхардт, вытирая потный лоб. — Фу!...

— А какая во всем глупость у людей!... — засмеялся Нэн. — Вместо того, чтобы самим пожить в свое удовольствие, они такие богатства каменным истуканам отдали...

— Надо посмотреть, нет ли еще чего... — сказал кто-то из темноты.

— А и в самом деле!

Голубые лучи фонариков снова зачертили во мраке. И вдруг коммунисты увидели след камней на полу, ведущий в дальние пещеры.

— Ого!... — послышались голоса. — Видишь, рассыпали... Надо идти дальше...

Нетерпеливо толкаясь, они направились к узкому проходу, ведущему дальше в глубь горы, но вдруг из черной щели вылетело копьё и, пронзенный в грудь насквозь, рыжий без звука упал на землю.

— Назад, назад, товарищи!... — закричали некоторые. — Тут засада... Назад!

Из мрака вылетело еще копьё и поранило Гаврилова в руку.

— Назад!...

Несколько человек беспорядочно выстрелило в щель из револьверов. И все отступили к страшноликим богам...

— По-моему, довольно, товарищи... — сказал Рейнхардт. — Упорствовать не стоит. У каждого из нас миллионы в кармане. А потом, когда понадобится, и опять придем...

— Не хватит — опять в кассу... — захохотал Скуйэ.

— Ишь как царапнул, проклятый!... — сказал Гаврилов, перевязывая платком руку. — Ну, уходить, так уходить, а только, как уговорились, надо все завалить, чтобы следов не было. Где ящик?

Высокий положил на землю большой ящик и запалил фитиль. Все, тесня один другого, торопливо выходили вон. Фитиль, неровно вспыхивая, мутно освещает фигуры богов с зверскими лицами, трупы убитых и жреца, который, весь в крови, боязливо выходит из черной щели и озирается...

Вдруг ахнул яростный взрыв и все завалилось...

VIII.

ЗАВЕТ ПЕТРА-УБИВЦА

На затоптанной поляне Великой Беседы снова шумит многолюдное собрание коммунистов. В отдалении видно несколько новых жалких лачужек и брошенная недостроенная станция радио. На рейде, рядом с «Норфольком», стоит прибывший из Европы большой пароход... Между берегом и пароходом снуют шлюпки.

— Что же не начинают собрания? — сказал седой коммунист с грустными глазами. — Господи, какая во всем неурядица, какой развал!... Назначено собрание в четыре часа, а теперь уже без четверти шесть, а его не открывают и тысячи людей, вместо того, чтобы работать, тратят время попусту...

— Ну, большого толка из работы нашей тоже нет... — уныло понурившись, сказала Маслова. — Скрывать от себя нечего: мы не сумели сорганизоваться, у нас не оказалось творческих сил, мы могли кормиться только при том строе, который мы так проклинали и хотели разрушить. Теперь это ясно и слепым...

— И у нас некоторые умеют работать... — зло сказала Надья, обезображенная теперь большим животом. — Вот почитайте... — она развернула какую-то бумагу и прочла: — «Бюллетень чрезвычайной комиссии № 86. — За агитацию в анархических кругах населения и за упорное саботирование власти исполнительного комитета, дезорганизирующее творческую работу коммуны, товарищ Макс Глюк приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение». Вот... — заключила она, нервно содрогнувшись. — «За нерадивое отношение к труду приговорено к заключению на две недели с применением принудительных работ, — 12 человек, за нарушение трудовой дисциплины к месячному заключению — 23 человека, за контрреволюционный образ мыслей к полугодовому заключению с применением особо тяжелых

работ Рукин и еще семь человек». И все это за одну неделю... Вот эти так трудятся!..

— И не только это... — тихо сказал седой коммунист. — Говорят, что и разрушение священных пещер тоже дело их рук. Туземцы думают, что это Великий Дух разгневался на них, потряс гору и погубил жрецов, а слухи говорят, что это наши правители, ограбив сокровища, взорвали пещеры.

Мимо торопливо и озабоченно прошел Гаврилов с браунингом у пояса.

— Тише!.. — шепнула Надьо. — Вот один из компании...

Джулиа Венти — тоже с большим животом, — удерживала Армана, тревожно повторяя:

— Ну, я тебя умоляю... Ты погубишь себя... Ну, уступи для меня, милый... Я умоляю...

— Да я же говорю тебе, что все подготовлено, — нетерпеливо говорил Арман. — Не беспокойся же так... — и, наконец, освободившись от нее, он вбежал на трибуну и возбужденно крикнул: — Товарищи, не будем больше ждать наших повелителей — они делят барыши и по обыкновению пьянствуют...

По толпе пробежало волнение. Бедная Джулиа, закрыв лицо, в изнеможении опустила на камень.

— Товарищи, больше молчать нельзя!.. — продолжал Арман. — Из живых людей мы с невероятной быстротой превратились в бездушные колеса какого-то мертвого механизма, который скрипит, трещит, но делает только видимость работы... Мы должны, наконец, восстать против извергов, захвативших власть... И мы должны честно признать, что и здесь мы потерпели крушение, и мужественно искать новых путей, путей спасения... Вспомните несчастного, без вины погибшего Макса, — он был тысячу раз прав: прежде чем строить светлое царство будущего, нам нужно было приготовить души свои к приятию его, а мы в старых лохмотьях пошли на брачный пир. И как мы обанкротились!.. Мы гордо потребовали себе всяких товаров из Европы, предлагая в обмен будущие произведения нашего вольного труда, но вот Европа свои товары прислала — вон они на рейде... — а что мы дадим в обмен? Все, что у нас есть, это

слезы отчаяния, стыд и нищета да сотни товарищей, если не тысячи, которые окончательно изверились в нашем деле и некоторые — счастливы! — получили уже разрешение покинуть остров... Вон стоит наша радиостанция, которую мы все никак не можем достроить, — мы хотели с высоты ее возвестить миру весть спасения, но что, что сможем мы сказать людям с этих башен, если мы когда достроим их? Только одно: жальтесь над несчастными, спасите нас — мы погибаем...

— Правильно!.. — возбужденно загудело собрание. — Это не жизнь, а чистый ад. Мы все хотим уехать... Скатертью дорога трусам!.. Долой болтуна!.. Довольно !..

— Уехать? — покрывая шум своим звонким голосом, крикнул Арман. — Увы, это совсем не так просто, товарищи!.. Нас здесь очень много и нужно очень долгое время, чтобы вывести всех нас обратно в старый свет. Да и стыдно, по-моему, спускать знамя так скоро, — надо просто поправиться и попробовать по-другому. Итак, я предлагаю, во-первых, просить командира «Норфолька» взять временно власть в свои руки, арестовать наших правителей и — стараясь покрыть голосом аплодисменты, крики и свист, кричал он, — предать их в руки правосудия, как простых уголовных преступников: кровь их жертв и ограбление пещер вопиют к небу... Ведь, если туземцы догадаются, что это дело белых, это значит война без пощады из-за каждого куста, из-за каждой скалы... Правда, мы лучше вооружены, но и их отравленные стрелы тоже кое-что значат... И потом где же будет братство людей? И разве только это одно на совети у захватчиков власти?

Бурный шум возбужденного собрания некоторое время не давал ему продолжать.

— Второе, что мы должны сделать, — продолжал опять Арман, — это отказаться от коммунистического хозяйства и каждому завить свое собственное гнездо. Не можем же мы вечно сидеть на хлебах старой капиталистической и презираемой нами Европы! Духа коммунизма в людях не оказалось. Все наше время проходит в спорах и ссорах. Пастух не желает получать одинаковое вознаграждение с учителем,

петому что он мокнет под дождем, в грязи, а тот «блаженствует в школе», дровосеки ропщут на музыканта, а работающие в угольных копиях проклинаят всех, но сами не зарабатывают и пятой доли того, что дает европейский угольщик. Лентяи у нас блаженствуют, а честные люди должны выбиваться из сил... Благодаря жестокости Рейнхардта среди нас местами — прямо стыдно сказать!... — вспыхнула ненависть к евреям. На той неделе опять был бунт вегетарианцев, которые решительно не хотят ходить за общественным скотом... Прямо голова идет кругом от этой непрерывной смуты... И замечательно: те необъяснимые силы антипатии, взаимного отталкивания, которые так сказывались в старом обществе, здесь еще более резко обострились: нигде вражда между отдельными лицами и партиями не достигала такой силы, как на нашем острове, в этом зеленом, плодородном, солнечном аду!...

— Вот, вот... — зашумело собрание. — Вот он нашел имя нашему острову: Ад... Проклятый Остров...

— Бросьте, Арман... Вы очень рискуете... — тащил Армана с трибуны, седой, грустный коммунист. — Начальство уже засуетилось... Расходитесь, товарищи...

— Арман... милый... — стонала Джулия. — Я умоляю тебя...

— Они уже опоздали, товарищи... — крикнул весело Арман и, вынув белый платок, махнул им к лесу и звонко крикнул: — Халло!...

Разом зарокотали на опушке барабаны и матросы с «Норфолька», с винтовками на плечах, стройно и быстро вышли на поляну. Необыкновенный восторг охватил всех и по поляне грянуло оглушительное «ура».

— Господин лейтенант, — крикнул Арман офицеру с трибуны, — собрание просит вас оказать нам защиту, арестовать узурпаторов и взять, хотя временно, власть в свои руки.

— Насильники будут арестованы... — отвечал молодой лейтенант с решительными усами. — Что касается до принятия власти, то я переговорю об этом с командиром крейсера. Продолжайте ваши дела, а мы поищем кого нужно...

Он отдал вполголоса какие-то распоряжения и часть от-

ряда ушла.

— Теперь мы можем продолжать, товарищи, уже свободно беседовать о наших делах... — сказал Арман, возбужденный. — Я предлагаю вам героическое решение: немедленное уничтожение коммуны и переход к хозяйству индивидуальному. А затем, когда каждый из нас станет на ноги, мы будем осторожно, постепенно, — может быть, путем кооперации, — переходить к более совершенным и справедливым формам экономической жизни...

— Великолепно!... Прекрасно!... — весело кричали со всех сторон. — Давно пора... Нет, это решение слишком уж героическое: пусть, кто желает, теперь же организуется в маленькие коммуны, а кто хочет жить особняком, пусть живет особняком... Правильно... Свобода прежде всего!... Слава Богу, кошмар кончился... Принято, принято!... А все-го лучше было бы назад, в Европу...

— А теперь передаю слово нашему другу, лорду Пэмброку, благодаря помощи которого мы освободились от негодяев... — сказал Арман.

На трибуну среди горячих аплодисментов, поблескивая очками, поднялся лорд Пэмброк. И, когда шумные приветствия стихли, он сумрачно начал:

— Я рад, что я был полезен вам, господа, вовремя заготовив десант с «Норфолька», но... но я должен просить у вас прощения, господа: я был причиной большой смуты на острове. Благодаря мне, здесь погибло несколько человек. И я боюсь, что это не конец... — продолжал он среди насторожившегося молчания. — Я просидел в засаде у горы Великого Духа три ночи подряд: темные тени продолжают бродить там в надежде на сокровища священной горы. Господа, сокровища эти — моя работа. Все эти камни сделаны в моей лаборатории. Я могу их наделать сотни, тысячи тонн... Вот они. Это очень недорогой фабрикат...

И он бросил на поляну несколько горстей алмазов и сапфиров. И, хотя теперь все знали, что камни фальшивые, все же несколько человек бросились торопливо подбирать их, точно «на всякий случай», «а вдруг»...

— Ничего не понимаем... — раздался голоса. — Для чего вы это сделали?... Это большая неосторожность...

— Я еще раз прошу прощения, господа... — повторил лорд Пэмброк. — Мне просто было очень интересно узнать ... ну, силу старого искушения на новых людях... Увы, сила эта несколько не уменьшилась!..

— Ни черта, что фальшивые... — тихо сказал высокий коммунист своему приятелю, маленькому зеленому чахоточному. — Если удастся вырваться отсюда, и на этих хорошо заработаем: сработаны на славу...

— Не голыми же уходить с этого проклятого острова!... — сердито буркнул тот. — По пути сбудем где-нибудь...

— Но знаете, что большее всего?... — дрожащим голосом, сквозь сдерживаемые слезы сказала Маслова, обращаясь к профессору Богданову, который смотрел на все происходящее со своей обычной улыбкой. — Это то, что находятся люди, которые смеются над нами... Вы, умный, образованный человек, не можете отрицать, что движение наше выросло из страдания человеческого. Вы не можете не согласиться, что, если усталым людям не удалось осуществить их мечты о земле обетованной, об отдыхе от вековой грызни, то все же простительно им было хоть на время отдохнуть на этой мечте. И все так кончилось... Нам больно, а вы... смеетесь...

— Сударыня, ради Бога.. — воскликнул профессор. — Я вполне понимаю, как вам тяжело, — это просто дурная привычка... Ради Бога простите...

И вдруг среди шума на трибуне незаметно появился Петр.

— Товарищи... — сказал он. — Низвините: я складно говорить не умею... того... да говорить много и не о чем... Да... Я уезжаю вот и одно хочу сказать вам на прощанье: гордые все вы очень — все от того и пошло. Умнее всех мы себя посчитали... Покаяться надо и смириться, ничего не поделаешь... Да... У нас, у русских, поговорка есть: сердцем пня не сшибешь... А еще говорим мы и так: дашь сердцу волю, попадешь в неволю. И вот тут есть многие которые не понимающие по-нашему, по-русскому, так вот переведите, мо-

лю вас, на все языки... и всем скажите, что русский солдат, мол, Петра... убивец, грешник... так говорит: не сердчайте ни на кого, кроме себя, покайтесь... Вот и все. Низвините, что нескладно сказал... Простите ради Христа... — заключил он и низко, по-старинному, поклонившись на все четыре стороны, затерялся в смутно галдевшей толпе, которая ничего не поняла да и внимания большого не обратила на него.

— Доктора... Ради Бога скорее доктора!... — в ужасе крикнула молоденькая коммунистка, вбегая. — Скорее, скорее...

— Что случилось? — тревожно зашумело собрание. — Что такое?

— Еву убили!... — задыхаясь, крикнула девушка. — Еще жива, но скорее доктора... Все перерыто, а она в крови плавает... Должно быть, камней ее искали...

— Боже мой!... Да ведь они же фальшивые!... — с отчаянием крикнул кто-то.

— Иду, иду ... — сказал невозмутимо доктор Бьерклунд.

Лорд Пэмброк и смущенный профессор пошли было за ним, но вбежавший откуда-то Арман что-то тихо сообщил матросам и обратился к профессору:

— Не уходите, профессор. Лейтенант очень просил вас подождать его... Он сейчас придет... Товарищи!... — крикнул он. — Большинство негодяев уже арестовано, но некоторые скрылись. Сейчас получено известие, что все эти господа со всего острова стянулись к горе Великого Духа и залегли там. Их окружает второй десант с «Норфолька».

Один из матросов, став на возвышение, быстро сигнализирует что-то флагами на крейсер. Оттуда отвечают такими же сигналами и чрез короткое время с крейсера гремит орудийный выстрел, потом еще и еще... И видно, как на горе Великого Духа рвутся снаряды.

— Боже мой, Боже мой!.. — схватила за седую голову Маслова и вдруг мучительно зарыдала.

Смутный говор. Профессор смущенно потупился. Вдали ухают пушки...

IX.

ТРЕТИЙ СВИСТОК

Очень бедная комнатка Евы. Видно, как маленькими женскими безделушками она пыталась создать себе уют, гнездо. Над рабочим столом потрет Макса, обвитый флером и уже увядшими цветами. А на убогой узенькой кровати лежит и тяжело стонет Ева. Голова ее забинтована вся, все лицо — один сплошной багровый кровоподтек, глаза запухли... Маслова в белом платье больничной сиделки сидит в плетеном кресле, а у окна на стуле понурился профессор Богданов, потухший.

— Боже мой... — печально и тихо говорила Маслова. — Да разве мы были недостаточно жестоки к себе эти последние годы? Вы скажете: и к другим. Да, и в этом наше несчастье... И мы за это платили, — не все, но многие, и очень платили, как ваш Петр.

Ева застонала и невнятно проговорила что-то нежное.

— И эта ваша теория коммунизма, как душевной болезни... — после небольшого молчания продолжала Маслова тихо. — Борис Николаевич, ведь это жестоко, это несправедливо и как это опасно!.. Если мы больны, то те, наши противники, значит, здоровы, да?.. С их тюрьмами, войнами, проституцией?.. Они здоровы?.. И скажите: удовлетворительно, сносно, терпимо было положение рабочих масс в мире? Не вырождались они от постоянных голодовок, не гибли миллионами бессмысленно и преждевременно от всяких болезней, темноты, жалкие, беспомощные? И на глазах у них этот вечный праздник победителей, которые не знали, как уж и беситься... И, когда, наконец, все взорвалось, все завопили, что народ жаден, гадок, ленив, хищен, что он зверь, — да, но откуда, где, как, у кого мог он научиться быть лучше?..

— Но революции только ухудшили положение рабочих масс... — сказал профессор.

— Да, в этом-то весь и ужас... — тихо прошептала Маслова и заплакала горько.

В дверь осторожно постучали. Маслова встала и осторожно отворила дверь. Вошел Гольдштерн.

— Профессор, скоро третий свисток... — шепотом сказал он.

— Я не приду: Еве очень плохо... — тихо отвечал профессор. — Очень кланяйтесь Петру от меня и передайте ему вот это на путевые расходы... — доставая из бумажника подготовленный чек, сказал он. — И всем там кланяйтесь. А увидите доктора, скажите, чтобы непременно заглянул к нам поскорее...

— Хорошо... А Еве совсем плохо?

— Плохо.

— Вот мерзавцы!.. — шепнул Гольдштерн. — Знаете, я готов своими руками передуть их всех... Какая гениальная идея, а они что сделали... Сейчас все это зверье провели под караулом на пароход... Ну, я бегу...

И, почтительно пожав руку знаменитому профессору, Гольдштерн озабоченно скрылся.

— Вашей теорией вы как бы выносите оправдательный приговор всем этим торжествующим... — продолжала тихо Маслова. — А ведь истинные виновники тяжкой общественной болезни все-таки они... Если бы хоть чуточку были они помягче к меньшим... если бы хоть изредка, хоть иногда вспоминали они о — Христе... — совсем тихо, как бы стыдясь чего, прошептала она.

— Своей «теорией» мне хотелось повлиять на ваших... — сказал профессор. — Мне хотелось раскрыть им глаза, предостеречь их от несбыточных надежд. Ведь, вы понимаете теперь, что ваши усилия, стоившие человечеству столько страданий и крови, бесплодные усилия, что надо искать каких-то новых путей к освобождению человека... если они есть...

— Путей этих нет... — тихо и скорбно сказала Маслова. — Есть один путь, Христов, но вот уже 2000 лет прошло, а люди не приняли его. Этот несчастный тупой Рукин со своими толстовцами надеется, что то, что не удалось Христу,

сделает он, но ведь это же только ограниченность!.. Вон Гольдштерн говорит: зверье... своими руками задушил бы... Да разве это поможет? Лучше будем нашим участием хоть чуточку смягчать вечное страдание человеческое.... Да, — тяжело вздохнула она. — Жизнь человеческая это вечная кровоточащая рана, а любовь Христова — вечный утешающий боль пластырь, только утишающий, но не исцеляющий навсегда... Она тихо заплакала.

Ева вдруг быстро и легко приподнялась с подушек и чисто, внятно и нежно заговорила:

— Максик... миленький... Ах, как хорошо мне с тобой!... Посмотри, какие веселые зайчики играют на волнах... И сколько, сколько!... — нежно рассмеялась она. — И как журчит и лепечет под лодкой вода. А парус — точно грудь большого лебедя... Максик, любименький мой, как хорошо!...

На стене и на кровати загорелись теплые, золотистые зайчики от заходящего солнца и, вся одетая этим мягким сиянием, Ева говорила внятно и нежно:

— Ты не можешь себе представить, Максик, как я все люблю, — ну, все, все, все... Только бы вот ходить, смотреть, слушать... Цветы, развалины, людей, реки, песни, облака, — все!.. А потом — был бы у нас домик, веселенький, беленький, как, ты рассказывал, был у тебя в горах, и ты писал бы людям о прекрасной жизни... И были бы у нас детки — маленькие, розовенькие, в ямочках, с точно перевязанными ниточкой ручками и ножками. Хорошо, Максик?... Ну, что же ты молчишь? — с укором сказала она и с все возрастающей тревогой, ища вокруг руками, звала: — Максик... Макс, да где же ты?... Боже мой, опять отняли... Макс, милый, не пугай так меня... Ой, схватили, держат, бьют... За что, за что?... Ой, пустите... О-о...

И, трепеща руками, как подбитая птица крыльями, Ева тяжело, безобразно завалилась набок.

— Максик... — чуть слышно прохрипела она. — О-о!...

Она забилась в агонии и — все стихло. Маслова стояла над ней и тихо плакала. Профессор потупился у окна. Кротко и тепло сияла заря. И властно поднялся вдруг с рейда могучий рев парохода: раз... два... три...

Х.

КРЕЙСЕР «JUSTICE»

Прошло несколько лет. На том месте, где была раньше поляна Великой Беседы, теперь раскинулась площадь маленького, еще сонного городка. По ней чернокожие рабочие прокладывают линию трамвая. Под высокими деревьями виднеется широкая веранда, а над ней вывеска: Отель «Король Англии». Пред отелем прохаживается невозмутимый английский бобби, полисмен. Вдали с одной стороны по-прежнему виднеется прекрасная вершина горы Великого Духа, а с другой — рейд, на котором стоит крейсер, большой пароход и несколько мелких паровых, моторных и парусных судов.

На веранде в прохладе потягивают вино владелец отеля, разжиревший, с золотой цепью по животу, Десмонтэ, и его приятель Нэн, серый, тупой, с крупными камнями на булавке и перстнях.

— Бьюсь об заклад, ты не догадаешься, кто прибыл сегодня с пароходом!... — сказал Десмонтэ. — Профессор Богданов... Ну, тот, который был тогда в нашей чертовой коммуне представителем от конференции...

— Помню, помню... — рассмеялся Нэн. — Черт знает, иногда вспомнишь то время, так прямо себе не веришь: ведь может же вот забраться в голову человеку такая чепуха!...

— Да... — протянул Десмонтэ. — Хотя некоторые прекрасно заработали в конце концов, а кривой Скуйэ, так тот и совсем миллионщик. Одни каменноугольные копи здесь что ему дают... Да, кстати: видел ты сегодняшнее радио? Как шерсть-то в Лондоне махнула!...

— Да... Все Россия крутит... — сказал Нэн и задумчиво прибавил: — А ведь радиостанцию мы еще тогда начали строить...

— Но не кончили... — засмеялся Десмонтэ. — Тссс... Профессор... — шепнул он и, встав, почтительно поклонился вошедшему профессору, постаревшему, но по-прежнему корректному. — Пожалуйста, г. профессор. Вот здесь: и холодок, и вид на океан... **Вой!**.. — повелительно крикнул он и, когда быстро выскочил на веранду чернокожий лакей, почтительно спросил: — Чем прикажете служить, г. профессор?..

— Чего-нибудь холодненького... — сказал тот, садясь.

— Мороженое? Шербет? Кафе-глясэ?

— Прекрасно: кафе-глясэ... — сказал профессор.

— Живо кафе-глясэ!.. — строго сказал бою хозяин. — И чтобы первый сорт...

— Есть, милорд!.. — на ходу отвечал бой. Нэн тяжело приподнялся, сделал хозяину прощальный знак рукой и лениво вышел. Он производил впечатление человека довольного, которому от жизни больше ничего не нужно.

— А вы не постарели, г. профессор... — любезно заметил Десмонтэ. — Совсем еще молодцом...

— Да разве вы знали меня раньше?

— Да ведь я один из ваших пациентов, г. профессор! — вежливо смеясь, пояснил Десмонтэ. — Или лучше сказать: благодарных пациентов. Если бы не ваша гениальная мысль лечить нас практическим коммунизмом, может быть, большинство из нас и теперь еще бродило бы в дебрях этих нездоровых идей... Как же, много раз имел честь встречать вас здесь!.. И когда теперь попадаете в газетах ваше имя, то — прямо скажу, — радуюсь. Конечно, все эти там ваши научные идеи не по моей части, тут я профан, но успех, так сказать, старого знакомого очень приятно видеть... Европейская знаменитость, так сказать...

— Очень рад встретить старого знакомого... — улыбнулся профессор. — Присаживайтесь... А я вот для отдыха решил прокатиться к вам и посмотреть, как вы тут живете... — прибавил он, когда Десмонтэ, взяв стул, сел на некотором почтительном расстоянии.

— Живем хорошо... Цветем, можно сказать... — отвечал Десмонтэ. — Огромное большинство наших тогда очень быстро разбежалось, ну, а те, которые поумнее, оценили место,

остались и, как видите, привели остров в цветущее состояние. Теперь это маленький рай...

— Ага... — засмеялся профессор. — Помните, мы все искали название острову: и Обновленная Земля, и остров Великой Беседы, и Проклятый Остров, а в конце концов оказалось, что это маленький рай... Но как же это удалось вам? Помните, как бедствовали все тогда...

— О, частная собственность великое дело!.. — воскликнул Десмонте и строго приказал бою: — Ставь здесь, осторожнее... Можешь идти... Вы помните Армана, г. профессор? Парень оказался очень дельный — теперь он профессором в Сорбонне. Ну, как тогда покончили мы по его совету с этим проклятым коммунизмом, те, что остались, взялись за ум, за работу и — за дикарей: за несколько ярдов яркого ситца, за бутылку рома, за стеклянные бусы у них выменивали лучшие земли, обрабатывали их же руками, уголь стали добывать, фабрики строить. Правда, черных здорово стеснили, но зато дело закипело. Впрочем, дикарей и половины не осталось — как ни здоровы они, а европейской марки все же не выдерживают... Ха-ха-ха... И, если построже держать, великолепные работники. Теперь последние земли забирают у них, но уже как следует, на фунты, у нотариуса... Нельзя: прогресс!.. Вот и я все подбираюсь ту гору купить или хотя арендовать на долгий срок — гора Велико-го Духа, помните? Прекрасное место там к вершине для эдакого летнего ресторана... Вот и трамвай туда уже проводят... А вид, а воздух!.. Хорошие деньги можно заработать...

— Но неужели же от прошлого так ничего и не осталось? — спросил профессор, но в эту минуту на веранду вошел другой бой в картузике с золотым галуном и с роскошным венком из живых цветов в руках. — А-а, это, кажется, для меня... — сказал профессор. — Спасибо...

Он щедро дал бою на чай и тот, почтительно поклонившись, ушел.

— Да, я забыл просить вас приготовить мне автомобиль на кладбище... — сказал профессор. — Вероятно, я найду там могилку Евы?.. Помните, которую убили...

— Как же, как же... — отвечал Десмонтэ. — Кажется, там есть надпись... Сторож, вероятно, сумеет указать... А автомобиль у меня всегда готов...

— Так неужели же от прошлого так ничего и не осталось? — повторил профессор.

— Немного... — засмеялся Десмонтэ. — Ну, вот я — раз. Затем г. Нэн, который только что вот вышел... Между прочим — понизив голос, прибавил он, — именно на него указывала тогда молва, как на убийцу Евы, он арестован даже был, но, ловкая бестия, вывернулся. Теперь очень состоятельный человек... О Рейнхардте вы, конечно, слыхали из газет: бросил бомбу в парижской опере и был повешен... Ну-с, кто же еще? Да, вон там, за озером, осталась небольшая общинка ваших русских сектантов. Живут они хорошо, зажиточно, но запутались в невозможных суевериях: один какой-то проходимец именуется у них Христом, командует ими, пьет вино, катается в автомобилях с их дочерьми и женами, а они боготворят его... Осталась еще эта стриженная старушка, Маслова, — эта выстроила себе крошечный домик, живет от своего огорода, лечит черных, учит их чему-то и никто почти ее никогда и не видит... Вот, кажется, и все... Что это там? — вдруг перебил он себя, заметив на площади небольшую группу европейцев, которые о чем-то возбужденно разговаривали между собой. — Доктор, что случилось? — крикнул он. — Доктор!..

— Лорд Пэмброк покончил с собой... — громко отвечал постаревший, но по-прежнему невозмутимый доктор Бьерклунд.

— Да не может быть!... — испуганно воскликнул Десмонтэ.

— Да разве он все еще здесь? — взволнованно сказал профессор.

— Боже мой, да... — растерянно отвечал хозяин. — Я совсем о нем и забыл... Он жил совсем отшельником...

— Мое почтение, г. профессор... — приветствовал доктор гостя. — И вы к нам вернулись? Да, да, лорд не покидал нас — до этой ночи...

— Вон там он жил, в самой глуши, в лесу... — сказал Десмонтэ. — Занимался своей химией и никого не хотел видеть. Если, бывало, во время прогулки встретит кого, так старается уйти в сторону незамеченным... Но почему это, доктор? Что с ним случилось?

Около веранды собрались любопытные. Пришел и Нэн, который лениво посасывал душистую сигару.

— Неизвестно пока... — отвечал доктор и вдруг спохватился. — Позвольте: да ведь среди бумаг лорда мы нашли письмо на ваше имя, г. профессор. Какое совпадение!.. Г. следовательно, дайте, пожалуйста, это письмо...

— Вот, пожалуйста... — сказал следователь, вынимая из портфеля письмо. — Если в нем нет чего-либо неудобного для вас, г. профессор, было бы очень хорошо, если бы вы ознакомили нас с его содержанием, — может быть, оно прольет свет на дело...

— Я не думаю, господа... чтобы это... было... нужно... кому-нибудь... — пробегая письмо, говорил профессор. — Это так... общие мысли...

— Прочтите, г. профессор... — раздались голоса. — Ведь мы столько лет прожили с ним вместе... Прочтите...

— Извольте... — пожал плечами профессор. — Только я не думаю, чтобы это было вам интересно... «Милый друг, — начал он. — Пред уходом из жизни мне хочется немножко побеседовать с вами, хотя я и не знаю, где и когда найдет вас это мое последнее письмо. Простите, что я не писал вам, но я тысячи раз вспоминал о вас в моем печальном уединении. Нет, ваша философия жизни не полна, друг мой, ибо действительность еще безотраднее. Вы забыли еще безбрежную лживость человека и его самодержавную глупость. О, если бы тело наше было прозрачным и можно было бы видеть то, что делается в душе человека, среднего человека, то многие из нас посходили бы с ума или перестрелялись бы. Душа человека это спящий каторжник, это страшный притон, где Иуда шепчется о чем-то с разбойником Вараввой, — может быть, о том, чтобы на полученные сребреники сходить сегодня вместе на ночку к Магдалине... И

тут же аккуратно выбритый разбойник Пилат тщательно умывает свои руки...»

— Бред какой-то ... — пробормотал Десмонтэ. — Ничего понять невозможно...

— Я говорил, господа, что не стоит читать... — сказал профессор.

— Нет, нет, просим!... — раздались голоса. — Он всегда был немножко ненормален. Не мешайте слушать...

— «А глупость, эта царственная глупость!... — продолжал профессор неохотно. — Жалкий умишка пишет свою “Жизнь Христа”, а глупость почтительно расшаркивается, ставит памятник и с республиканской галантерейностью новый крейсер называет “Эрнест Ренан” — к нам недавно заходил такой...»

— Это верно... — солидно заметил кто-то. — Прекрасное судно...

— «Вы только вслушайтесь в это дьявольское сочетание слов: “крейсер I ранга Эрнест Ренан”... — продолжал профессор. — У Вольтера есть небольшая книжечка “Sottissier”, — милый друг, вся жизнь человеческая это один сплошной, нескончаемый Sottissier...»*

И в довершение всей этой вонючей мешаниной из похоти, жадности, лживости и глупости самодержавно вертит слепой случай, против которого нет оружия, от которого нет спасения... Случайно пропал в Брайтоне клочок бумажки и благодаря этому я попадаю на этот остров, делаю фальшивые камни, взрывается пещера, гибнут ни в чем не повинные чернокожие, гибнет милая Ева. Грязное, унижительное рождение, дурацкая жизнь, полная беспокойства о куске хлеба и распаленной тоски о самке, а затем — вонючая яма и черви. Нет, слуга покорный... Довольно!.. И меня утешает мысль, что теоретически вполне возможно такое взрыв-

* Упоминаются «Жизнь Иисуса» (1883) французского философа и историка религии Э. Ренана (1823-1892) и «Le Sottisier» («Хранилище глупостей»), сборник записей Вольтера, впервые изданный в 1880 г.

чатое вещество, которым можно было бы разом обратить в порошок весь земной шар. Впрочем, все это пустяки... Устал я. Прощайте...»

— Что за чушь!... — раздались голоса. — Я всегда говорил, что у него на чердаке неисправно... А богатый ведь был — жить бы да жить. Смотрите: везут...

На простой повозке в сопровождении полицейского чиновника худой туземец везет тело лорда Пэмброка. Профессор с венком в руках — он был предназначен для Евы, — подходит к телу и, открыв брезент, смотрит долго в удивительно тихое и ясное лицо покойника, а потом кладет ему венок в ноги.

— А когда похороны? — спросил он доктора.

— Вероятно, утром... — отвечал тот. — Сейчас вскрытие, потом следователь даст свое заключение и все.

— Да ведь и так все ясно... — усмехнулся профессор.

— Что поделаешь? Закон... — пожал плечами доктор и прибавил задумчиво: — Конечно, жизнь штука невеселая, но слова можно все же найти и более мягкие. Зачем так?...

Он сделал знак и труп повезли дальше. Любопытные стали потихоньку расходиться.

— Да, и в вашем маленьком раю, кажется, не всем весело... — сказал профессор, подымаясь с Десмонтэ на террасу.

— На всех не угодишь... — немножко сердито отвечал Десмонтэ и вдруг зло воскликнул: — Ах, негодяи, опять!... Не угодно ли, полюбуйтеесь...

На площадь вышла нестройная толпа изможденных туземцев с жалким красным флажком. Они пели что-то унылое и несуразное. Полисмен равнодушно посторонился, пропуская их. Прохожие идут по своим делам, не обращая на манифестантов почти никакого внимания.

— А, вон что у вас тоже есть!... — усмехнулся профессор.

— Да. Это из шахт Скуйэ... — отвечал Десмонтэ. — У нас никто на это и внимания не обращает — покричат и разойдутся... Кому от этого убыток!

— А серьезного ничего не бывает?...

— Как-то недавно побили стекла на одной фабрике... — отвечал Десмонтэ, следя злыми глазами за чернокожими. — Ну, а если уж очень задурчатся, так ведь вон стоит на рейде крейсер «Justice».

С крейсера вдруг раздается пушечный выстрел.

— Это что такое? — удивился профессор.

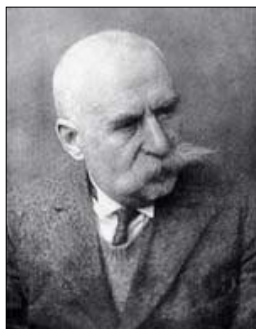
— Спуск флага... — успокоительно отвечал Десмонтэ. — Заря...

По зеркальной розовой глади океана в тиши вечера чуть слышно доносятся звуки оркестра играющего «God save the King»*.

* «Justice» – «Справедливость», «Правосудие» (англ.). «God save the King» – «Боже, храни короля» (англ.).

Об авторе

Иван Федорович Наживин родился в 1874 г. в Москве, в семье богатого лесопромышленника, купца 2-й гильдии, выходца из крестьян. После семи лет обучения был исключен из средней школы, безуспешно пытался заниматься лесоторговлей, к которой, в отличие от писательства, не чувствовал никакой склонности. Благодаря материальной поддержке отца подолгу жил за границей (Швейцария, Франция), бывая в России наездами.

Первая публикация – рассказ «Агапыч» в журнале «Природа и охота» (1890); позднее печатался в журналах «Русская мысль», «Образование», «Русское богатство» и др. В 1902 г. писатель вступил в гражданский брак с еврейской студенткой Лозаннского университета Анной Зусман (с которой обвенчался в 1908 после принятия ею православия); по окончании ею университета Наживины приехали в Россию, жили в Полтавской губернии, затем на Волге.

В 1900-1904 гг. Наживин выпустил ряд сборников рассказов и очерков из народной жизни («Родные картинки», «Убогая Русь», «Перед рассветом», «Дешевые люди», «У дверей жизни»), сборник путевых заметок о Турции, Греции и Италии «Среди могил».

Со времени знакомства в 1901 г. Наживин испытывал растущее влияние Л. Толстого, неоднократно бывал в Ясной Поляне.

После революции 1905 г. испытал разочарование в революционных идеях, настаивал на необходимости преобразования личности как предпосылки общественных перемен. Эти настроения Наживина отразились в автобиографическом романе «Менэ... тэ-

кел... фарес» (1907), в книге «Моя исповедь» (1912). Одновременно, под влиянием Толстого, начал изучать жизнь русских духов, индийские и персидские религиозные учения; ряд материалов был собран в книге «Голоса народов» (1908). В 1911-17 гг. в Москве вышли 6 томов собрания сочинений Наживина; книги, означенные как отдельные тома этого собрания, продолжали впоследствии выходить в Европе и Китае.

В начале Первой мировой войны Наживин жил за границей. В 1916 г. вернулся с женой и 4 детьми в Россию. Революцию 1917 года писатель встретил резко отрицательно, в 1918 г. уехал на занятый белыми Юг, примкнул к войскам Н. Врангеля, сотрудничал в белогвардейских газетах. В 1920 г. Наживин выехал с семьей из Новороссийска в Болгарию, затем жил в Австрии, Югославии и Германии, с 1924 г. и до конца жизни – в Бельгии.

В первые годы эмиграции Наживин опубликовал целый ряд мемуарных и автобиографических произведений: «Записки о революции» (1921), «Перед катастрофой» (1922), «Среди потухших маяков: Из записок беженца» (1922); «Накануне: Из моих записок» (1923) и др. Занимая вначале непримиримую по отношению к большевизму позицию и выражая монархическую ностальгию, писатель быстро осознал, однако, «гниль» и обреченность старого порядка, вину за происшедшее с Россией возлагал на бездарное правление Николая II.

Трехтомный роман «Распутин» (1923-1924) принес писателю европейскую известность. За ним последовали «беженские» романы «Фатум» (1926) и «Прорва» (1928), исторические романы «Перун: Лесной роман» (1927), «Бес, творящий мечту: Роман из времен Батые» (1929), «Глаголют стяги... Исторический роман из времен князя Владимира» (1929), «Во дни Пушкина» (1930), «Софисты: Роман-хроника из жизни Греции V века до Рождества Христова» (1935) и пр. Обширный пласт романов Наживина был посвящен религиозной жизни человечества в переломные эпохи; таковы романы «Иудей: Исторический роман из жизни Рима в I веке» (1933), «Лилии Антиноя» (1933); «Расцветавший в ночи лотос: Исторический роман из времен Моисея» (1935), «Евангелие от Фомы» (1935). В 1936 г. была издана книга о Л. Толстом «Неопалимая купина: Душа Толстого». Наряду с романами из эмигрантской жизни писал Наживин и фантастику: к ней относятся сборник повестей «Во мгле грядущего» (1921), «евгенистический роман» «Остров блаженных» (1935), роман «Собачья республика» (1935).

В целом в эмигрантские годы Наживин отличался крайней плодотворностью, написав около полусотни романов и повестей. Его книги издавались практически во всех центрах русской эмиграции: Берлин, Париж, Новый Сад, Рига, Харбин, Тяньцзинь и т.д. В 1930-е годы писатель начал лелеять мысль о возвращении на родину, обращался в советское представительство в Париже с ходатайством о принятии его в советское гражданство, в 1936 г. обратился с письмом к И. Сталину. Умер И. Ф. Наживин в Брюсселе в начале апреля 1940 г.

Повесть «Искушение в пустыне» публикуется по авторскому сборнику «Во мгле грядущего: Повести» (Вена: Детинец, 1921). В тексте исправлены очевидные опечатки; орфография приведена в соответствие с современными нормами. Написание имен и названий и авторская пунктуация сохранены без изменений.

Оглавление

I. Единственное средство	7
II. Остров без названия	14
III. Поляна Великой Беседы	22
IV. Пропавшее письмо	31
V. Испытание в пустыне	39
VI. Голос с далекого севера	46
VII. В пещерах горы Великого Духа	54
VIII. Завет Петра-убийца	58
IX. Третий свисток	65
X. Крейсер «Justice»	68
Об авторе	76

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.